

В лучах мерцающей луны

Автор:

Эдит Уортон

В лучах мерцающей луны

Эдит Уортон

Впервые на русском – увлекательный, будто сотканный из интриг, подозрений, вины и страсти роман классика американской литературы, автора такого признанного шедевра, как «Эпоха невинности», удостоенного Пулицеровской премии и экранизированного Мартином Скорсезе.

Сюзи Бранч и Ник Лэнсинг будто созданы друг для друга. Умные, красивые, с массой богатых и влиятельных друзей – но без гроша в кармане. И вот у Сюзи рождается смелый план: «Почему бы им не пожениться; принадлежать друг другу открыто и честно хотя бы короткое время и с ясным пониманием того, что, как только любому из них представится случай сделать лучшую партию, он или она будут немедленно освобождены от обязательств?» А тем временем провести в беззаботном достатке медовый не месяц, но год (именно на столько, по расчетам Сюзи, хватит полученных ими на свадьбу подарков), переезжая с виллы на озере Комо в венецианское палаццо и так далее, ведь многочисленные друзья только рады их приютить. Но, как известно, гладко бывает лишь на бумаге, особенно когда в планы вмешивается настоящая любовь...

Эдит Уортон

В лучах мерцающей луны[1 - У. Шекспир. Гамлет. Акт 1, сц. 4. Перев. П. П. Гнедича. – Здесь и далее примеч. перев.]

© В. Минушин, перевод, 2013

Издательство АЗБУКА®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru) (<http://www.litres.ru/>)

Часть первая

I

Месяц сиял для них – их медовый месяц – над водами озера, столь знаменитого романтическими восторгами по поводу его красот, что они очень гордились собой, когда им хватило смелости выбрать это место.

– Нужно или быть полностью лишенным чувства юмора, или, напротив, в исключительной мере обладать этим даром, как мы, чтобы отважиться на подобный эксперимент, – промолвила Сюзии Лэнсинг, когда они стояли, опершись на неизбежную мраморную балюстраду, и любовались волшебным ковром, раскинутым на воде у их ног небесным покровителем.

– Да... или иметь возможность на время поселиться на вилле Стреффорда, – уточнил ее муж, глянув сквозь ветви вверх на вытянутое невысокое бледное пятно, которое в лунном свете постепенно приобретало

очертания белого фасада виллы.

– Да мы могли выбирать среди пяти мест. По крайней мере, если учитывать квартиру в Чикаго.

– Могли... ну не знаю!

Он накрыл ладонью ее руки, и от его прикосновения вновь вспыхнуло изумленное восхищение, которое в ней всегда вызывал его взвешенный взгляд на их авантюру... Она, как ей было свойственно, лишь добавила в своей ровной шутливой манере:

– Или без учета квартиры – ненавижу хвастать, – просто считая другие возможности: у Вайолет Мелроуз в Версале, на вилле твоей тетушки в Монте-Карло... и на болоте!

Она нарочно упомянула о болоте, с осторожностью, но тем не менее подчеркнуто, словно желая быть уверенной, что он не обвинит ее в высокомерии.

Но он только заметил:

– Бедный старина Фред!

И она беспечно повторила вслед:

– Да, бедняжка...

Он не отнимал своей руки, и в затянувшейся паузе, когда они молча стояли, объятые очарованием ночи, она чувствовала только поток тепла, перетекающего от ладони к ладони, подобно волшебной лунной дорожке, тянущейся вниз от берега к берегу.

Наконец Ник Лэнсинг заговорил:

– В Версале в мае было бы невыносимо: вся наша парижская компания узнала бы, что мы там, не прошло бы и двадцати четырех часов. И Монте-Карло

исключен, поскольку все ожидали, что мы отправимся именно туда. Так что – при всем моем уважении к тебе – выбор Кома не требовал особых умственных усилий.

Его жена мгновенно с вызовом отразила это умаление ее способностей:

– Но чего мне стоило убедить тебя, что мы в состоянии пережить смехотворность Кома!

– Ну, я предпочел бы что-нибудь посдержаннее; по крайней мере, таково было мое мнение, пока мы не приехали сюда. Теперь вижу, что это место идиотское, если только не быть совершенно счастливым человеком, а так – оно ничем не лучше и не хуже других.

– И должна сказать, Стреффи обо всем позаботился к нашему приезду, – сказала она с блаженным вздохом. – Даже о сигарах – как думаешь, кто дал ему эти сигары? – И задумчиво добавила: – Тебе будет их не хватать, когда придет время уезжать.

– Послушай, давай не будем в такой вечер говорить об отъезде. Разве мы не вне времени и пространства?.. Наслаждайся ароматом цветов; что это, что-то из жасминовых? Стефанотис?

– Д-да. Наверное. Или гардении... Ой, светляки! Смотри... вон там, против всполоха лунного света на воде. Серебряные яблоки в золотой корзине...[2 - Слегка переиначенная цитата из Книги притчей Соломоновых (25: 11) в Американским исправленном переводе Библии («Золотые яблоки в серебряной корзине...»), осуществленном Ноем Уэбстером, человеком, который стоял у истоков формирования «американского» английского. Уэбстеровские исправления заключались главным образом в замене архаичных выражений и грамматики стандартного английского перевода Библии короля Иакова.]

Они вместе подались вперед, от плеча до кончиков пальцев – одна плоть, глаза вперены в сверкающую рябь воды.

– В такой момент, – заметил Лэнсинг, – я могу вынести даже соловья...

Робкая трель взволновала магнолии за спиной, и в ответ долгий ласковый шепот из кроны густого лавра над головой.

– Немного поздно для них, конец весны: кончается брачная пора, как раз тогда, когда у нас только начинается.

Сюзи засмеялась:

– Надеюсь, когда придет наш черед, мы скажем друг другу «прощай» с такой же нежностью.

Ее муж хотел было ответить: «Они не говорят друг другу „прощай“, а только переходят к семейным заботам». Но так как последнее не входило ни в его, ни в ее планы, он лишь рассмеялся вслед за ней и крепче прижал ее к себе.

Весенняя ночь плотней сомкнула вокруг них свои объятия. Озеро постепенно успокоилось, и легкая рябь сменилась шелковой гладью, высоко над горами на усеянном мелкой россыпью звезд небе ночное светило из золотого стало белым. На другой стороне один за другим гасли огоньки маленького городка, и отдаленный берег превратился в полосу зыбкого мрака. Тихий ветер временами веял в лицо благоуханием садов; вот он пронес над водой огромного белого мотылька, словно лепесток магнолии. Соловьи умолкли, и в наступившей тишине внезапно настойчиво зазвучало журчание фонтана за домом.

– Мне подумалось, – проговорила Сюзи, и ее голос прозвучал мечтательно-томно, – это могло бы продолжаться хотя бы год.

Муж воспринял ее слова без малейшего удивления или неодобрения; его ответ свидетельствовал о том, что он не только понял ее, но что его мысль работала в том же направлении.

– Ты имеешь в виду, – спросил он, помолчав, – не рассчитывая на жемчуга твоей бабушки?

– Да... не рассчитывая.

Он на секунду задумался, а затем приглушенно прошептал:

– Скажи мне еще раз, каким образом это у нас получится.

– Тогда давай сядем. Нет, мне больше нравится на подушках.

Он вытянулся на плетеном лонгшезе, а она свернулась калачиком на кипе лодочных подушек и прислонилась головой к его колену. Подняв глаза, она увидела прямо над собой залитое лунным светом, словно серебряное с черненым рисунком платановых ветвей, небо. Все вокруг дышало покоем, красотой и постоянством, и ощущение разлитого вокруг счастья стало столь пронзительным, что было почти облегчением вспоминать о бурной истории с чеками и предложениями одолжить денег, что обеспечило им его хрупкую возможность.

– Люди состоятельные не могут чувствовать этого счастья, – задумчиво проговорила Сюзи, глядя сквозь густые ресницы на лунный свет.

Люди состоятельные всегда были чудовищами для Сюзи Бранч; ничего для нее не поменялось и когда она стала Сюзи Лэнсинг. Она ненавидела их, ненавидела вдвойне, как естественных врагов человечества и как людей, рядом с которыми нельзя было расслабиться ни на миг. Большая часть ее жизни проходила среди них, она знала почти все, что следовало о них знать, и судила о них с презрительной ясностью, основанной на чуть ли не двадцатилетней зависимости от них. Но в настоящий момент враждебности в ней поубавилось не только по причине смягчающего влияния любви, но и потому, что она добилась от этих самых людей больше – да, намного больше, – чем она и Ник в своих самых безрассудных замыслах даже надеялись получить.

– В конце концов, всем этим мы обязаны им! – в задумчивости проговорила она.

Ее муж, предавшись разнеживающему блаженству ночи, не стал повторять свой вопрос; но ее не оставляла мысль, которую он этим вопросом пробудил. Год – да, теперь она была уверена, что при небольшом умении распорядиться обстоятельствами это могло бы длиться целый год! Под «этим» подразумевался их брак, их жизнь вместе, и вдалеке от зануд и надоед, – дружеским союзом, в котором оба они давно предполагали сиюминутное удовольствие, но, она во всяком случае, никак не более глубокое согласие душ.

Это случилось в какую-то из первых их встреч – среди пестрой публики на одном из обедов, которые Фред Джиллоу пытался представлять «литературными», – молодой человек, оказавшийся за столом рядом с ней и о котором она смутно слышала, будто он «пишет», вообразился ей в качестве некой прихоти, которую Сюзи Бранч, наследница, возможно, могла бы себя побаловать в виде исключительного безумства. Сюзи Бранч, беднячка, любила представлять, как этот ее предполагаемый двойник будет тратить на него свои миллионы: среди ее главных претензий к богатым друзьям было то, что те распоряжались своим богатством столь бездарно, без фантазии.

«Я скорее предпочла бы иметь мужа, чем паровую яхту!» – подумала она в конце разговора с молодым человеком, который занимался писательством, но который, как ей сразу стало ясно, еще не написал и вряд ли когда напишет нечто такое, что принесет ему славу и позволит предложить своей жене что-нибудь дороже простой лодочки.

«Своей жене! Будто он вообще может содержать жену! Потому как он не из тех, за кого выходят замуж даже ради яхты». Несмотря на свое прошлое, Сюзи в достаточной степени сохранила внутреннюю независимость, чтобы заметить скрытые признаки этого качества в характере других, а также импульсивно приписывать его тем особам противоположного пола, которым случалось вызвать ее интерес. Она испытывала искреннее презрение к людям, гордившимся тем, что, на ее вкус, должны были бы лишь стоически переносить. Сама она намеревалась в итоге выйти замуж, потому что нельзя вечно обхаживать богачей; но собиралась подождать, пока не найдет кого-нибудь, максимально со средствами и хотя бы минимально компанейского.

Она сразу поняла, что молодой Лэнсинг точно не из их числа: бедный, насколько только возможно, и, насколько только возможно, компанейский. И потому решила видеться с ним так часто, как позволит ее суматошная и путаная жизнь; и это ей вполне удавалось устраивать благодаря своей находчивости. До конца той зимы они сталкивались постоянно; настолько постоянно, что миссис Фред Джиллоу однажды внезапно и резко дала ей понять, что она «делает из себя посмешище».

– Ах... – ответила Сюзи долгим вздохом, честно глядя в подкрашенные после слез глаза подруги и покровительницы.

– Да! – вскричала Урсула Джиллоу, разрыдавшись. – Пока ты не вмешалась, Ник обожал меня... я, конечно, не хочу упрекать тебя... но когда думаю...

Сюзии промолчала, не найдя слов. Да и что она могла возразить, если подумать? Платье, что на ней, – подарок Урсулы; авто Урсулы отвезло ее на банкет, с которого они обе возвращались. Она рассчитывала провести наступающий август с четой Джиллоу в Ньюпорте... и единственной альтернативой было отправиться в Калифорнию с Бокхаймерами, у которых прежде отказывалась даже обедать.

– Конечно, то, что ты себе вообразила, – это полный вздор, Урсула; а что касается моего вмешательства... – Сюзии помедлила в нерешительности, потом пробормотала: – Но если это хоть сколько-то тебя успокоит, постараюсь встречаться с ним реже... – И исторгла вздох глубочайшей покорности в ответ на соленый от слез поцелуй Урсулы...

Сюзии Бранч по-мужски относилась к данному слову; и на следующий день она надела шляпку, которая более всего была ей к лицу, и разыскала молодого мистера Лэнсинга в его номерах. Она намеревалась сдержать обещание, данное Урсуле; но при этом ей хотелось выглядеть как можно лучше.

Она знала, когда его скорее всего можно застать дома, поскольку он был занят тоскливой работой над популярной энциклопедией (буквы от «V» до «X») и сказал ей, какие часы посвящал этому ненавистному занятию. «О, если бы только это был роман!» – подумала она, поднимаясь по темной лестнице; но тут же ей пришло в голову: будь это роман из тех, что ей хватало терпения прочесть, возможно, автор заработал бы на нем не намного больше, чем на энциклопедии. Мисс Бранч смотрела на литературу со своей колокольни...

Квартира, куда мистер Лэнсинг впустил ее, была намного чище, но не намного светлей лестницы. Сюзии, зная, что он помешан на восточной археологии, представляла себе, что он живет в голой комнате, украшенной единственно образцами древней китайской бронзы безупречных форм или драгоценными черепками азиатских керамических сосудов. Однако в глаза бросалось блистательное отсутствие подобных вещей и попытки как-то приукрасить пристойную бедность комнаты, служившей одновременно спальней и гостиной.

Лэнсинг встретил посетительницу с искренней радостью и явным равнодушием к тому, что она могла подумать о его жилище. Он, казалось, думал только о том, как ему повезло увидеть ее в день помимо уговоренного. И Сюзи еще больше огорчилась, что нужно исполнять обещание, и была рада, что надела самую хорошенькую шляпку; и несколько мгновений она молча смотрела на него из-под затеняющих глаза полей.

Как ни горяча была их обоюдная симпатия, Лэнсинг никогда не говорил ей слов любви; но это не могло удержать его посетительницу, в чьей манере было изъясняться откровенно, когда не было причин, житейских или денежных, о чем-то умалчивать. Поэтому вскоре она рассказала, что вынудило ее прийти к нему; досадно, мол, но вы должны понять. Урсула Джиллоу ревнива, и им придется прекратить встречи.

Взрыв смеха, который вызвали у него ее слова, прозвучал для нее как музыка; поскольку она, в конце концов, боялась, что он, возможно, посвящает Урсуле столько же времени, сколько работе над энциклопедией.

– Но, даю слово, это какая-то безумная ошибка! Во-первых, даже не верится, что она имела в виду меня... – запротестовал он; но Сюзи, которой его реакция вернула способность рассуждать здраво, остановила его:

– Можешь быть уверен, в подобных случаях Урсула выражается ясно и определенно. И не имеет никакого значения, что при этом думаешь ты. Главное для нее – это во что верит она сама.

– Как так! Мое слово тоже ведь кое-что значит, разве нет?

Сюзи обвела комнату медленным и задумчивым взглядом. Ничего, абсолютно ничего не свидетельствовало о том, что он когда-нибудь располагал лишним долларом – или принимал подарки.

– А по мне – так ничего не значит, – наконец проговорила она.

– Что ты имеешь в виду? Я свободен как ветер?..

– Я – нет.

Он задумался.

– Ну, тогда, конечно... Просто это кажется немного странным, – сухо добавил он, – что в таком случае возражение исходит от миссис Джиллоу.

– А не от моего жениха-миллионера? О, никакого жениха у меня нет; в этом смысле я свободна так же, как ты.

– Тогда... Может, нам просто и дальше оставаться свободными?

Сюзи озабоченно нахмурилась. Все оказывалось намного трудней, чем она предполагала.

– Я сказала, что свободна только в этом смысле. Я не собираюсь замуж, – полагаю, и ты не собираешься жениться?

– Боже, нет, конечно! – с жаром воскликнул он.

– Но это не всегда подразумевает полную свободу...

Он возвышался над ней, опершись локтем на уродливую черную мраморную арку, обрамляющую холодный камин. Подняв глаза, она увидела, как напряглось его лицо, и покраснела.

– Ты пришла затем, чтобы сказать мне это? – спросил он.

– О, ты не понял... и не знаю почему, ведь мы так давно вращаемся в одном кругу. – Она порывисто встала и положила ладонь на его руку. – Я очень хочу, чтобы ты помог мне!..

Он даже не пошевелился и не прикоснулся к ее ладони.

– Помог тебе объяснить мне, что бедная Урсула – это лишь предлог, но что есть кто-то, кто по той или иной причине действительно имеет право быть недовольным тем, что мы встречаемся слишком часто?

Сюзии нетерпеливо рассмеялась:

– Ты говоришь как герой романа – такого, какие обычно читала моя гувернантка. Во-первых, я никогда не признаю над собой такого рода права, как ты это называешь, – никогда!

– Какого же рода право ты признаёшь? – поинтересовался он, и лоб его разгладился.

– Ну... такого, какое, наверное, ты признаёшь за твоим издателем. – (Он театрально рассмеялся.) – Можешь называть это деловым правом, – настаивала она. – Урсула много делает для меня: я полгода живу за ее счет. Это платье, которое сейчас на мне, – ее подарок. Ее авто отвезет меня сегодня вечером на обед. Следующее лето я собираюсь провести с ней в Ньюпорте... В ином случае придется ехать в Калифорнию с Бокхаймерами – так что прощай!

Неожиданно разразившись слезами, она выскочила из квартиры и сбежала по трем крутым лестничным пролетам прежде, чем он сумел остановить ее, – хотя, если подумать, она что-то не помнила, чтобы он сделал такую попытку. Она помнила только, как долго стояла на углу Пятой авеню в резком блеске зимы, ожидая, когда образуется просвет в потоке авто с модницами внутри, и говорила себе: «В конце концов, можно пообещать Урсуле... и продолжать видеться с ним...»

Однако, когда Лэнсинг на другой день написал ей, умоляя о встрече, она ответила вежливым, но твердым отказом; а вскоре сумела получить приглашение поехать на две недели в Канаду покататься на лыжах, а затем во Флориду на шесть недель, пожить в плавучем доме...

Когда в своем погружении в прошлое она дошла до воспоминания о Флориде, вызванного видением вод в сиянии луны, благоуханием магнолии и нежным ветерком, она отдалась сладостной безмятежности ночи и дремота легким крылом коснулась ее век. Да, был один скверный момент, но он уже в прошлом, а она сейчас здесь, спокойная и блаженствующая, вместе с Ником; это на его колене покоится ее голова, и впереди у них год... целый год...

– Не считая жемчугов, – пробормотала она, смыкая веки...

Лэнсинг бросил окурок Стреффордской дорогой сигары в озеро и склонился над женой. Бедное дитя! Уснула... Он выпрямился и поднял глаза к залитому серебристым светом небу. Как странно, как невыразимо странно было думать, что это льется свет его медового месяца! Год назад, если бы кто предсказал, что он отважится на такое приключение, он ответил бы просьбой отправить его в сумасшедший дом при первых же симптомах...

В душе он до сих пор не сомневался, что это приключение – чистое безумство. Хорошо Сюзи напоминать двадцать раз на дню, как блестяще они провернули это дело, – почему же ему беспокойно? Как ни дальновидна она и как ни счастлив он сейчас, по здравом рассуждении их надежды на будущее совершенно неосновательны. И, сидя у озера ясной летней ночью с Сюзи, которая дремала, приклонив голову к его колену, он пытался припомнить те успешные шаги, которые в итоге привели их к вилле Стреффи на берегу озера.

Что касается Лэнсинга, для него это началось, несомненно, в то время, когда он вышел из стен Гарварда с твердым решением ничего не упустить, все изведать. Есть вечнозеленое Дерево Жизни, Четыре Реки текут от его подножия[3 - Аллюзия на Быт. 2: 9-14.]; и в воды каждой реки он намеревался спустить свой малый челн. По двум из них он уплыл не очень далеко, в третьей едва не увяз в иле; но четвертая привела его в самое сердце чуда. Это была река его живого воображения, его неистощимого интереса ко всем формам прекрасного, необычного и безрассудного. По этой реке в крепком малом челне своей бедности, своей безвестности и независимости он совершил несколько замечательных путешествий... И потому, когда Сюзи Бранч – которую он разыскивал во время сезона в Нью-Йорке, видя в ней самую прелестную и занятную девушку из находившихся в поле его зрения, – удивила его противоречивым сочетанием в ней современного чувства практической целесообразности и старомодного понятия честности, он ощутил неодолимую тягу затеять еще одно плавание в неизведанное.

Существенно важным в этом приключении было, после ее короткого визита к нему, сдержать слово и не пытаться увидеться с ней. Хотя ее откровенность и не побудила его последовать ее примеру, все же понимание ее трудностей вызвало в нем сочувствие. Он знал, на какой тонкой ниточке висит признание обществом

человека, у которого ни гроша за душой, и каким ужасным насмешкам подвергается девушка, подобная Сюзи, становясь жертвой людских прихотей и причуд. Его трудности, как и ее, отчасти состояли в том, что, дабы получить желаемое, так часто приходилось делать то, что было им в тягость. Но держать обещание оказалось тоскливей, чем он ожидал. Встречи с Сюзи Бранч превратились в восхитительную привычку, разнообразившую жизнь, в основном рутинную, и с исчезновением девушки ему неожиданно стало ясно, что возможности в этом смысле все больше сужаются. Многие из того, что прежде необычайно занимало его, теперь занимало меньше или вообще оставляло равнодушным: добрая часть его чудесного мира съежилась до картинки в деревенском кинетоскопе. А то, что еще сохраняло свою притягательную силу – далекие путешествия, наслаждение произведениями искусства, незнакомые обстановка и общество, – становилось все менее достижимым. Лэнсинг вечно жил на жалкие гроши; львиную долю средств он потратил, когда впервые безоглядно бросился в жизнь, и лучшее, что могло ждать его впереди, – это плохо оплачиваемая работа литературного поденщика к зрелым годам, перемежаемая короткими и экономными каникулами. Он знал, что умнее многих, но давно пришел к заключению, что его таланты не имеют спроса на рынке. Тоненькая книжечка сонетов, которую ему по дружбе напечатал знакомый издатель, разошлась в количестве всего семидесяти экземпляров; и хотя его эссе «Китайские влияния в древнегреческом искусстве» вызвало непродолжительный интерес публики, результатом скорее были полемическая корреспонденция и приглашения на обед, нежели реальный доход. Словом, казалось, что нет никакой надежды на то, что он когда-то сможет обеспечить себя материально, и бесперспективность будущего заставила его все выше ставить дружбу, которую его дарила Сюзи Бранч. Не говоря уже об удовольствии видеть и слушать ее – наслаждаться тем в ней, что другие с меньшим пониманием, но столь же высоко ценили, – он чувствовал, что между ними существует своего рода взаимное притяжение людей, не по годам терпимых и ироничных. Оба в ранней юности раскусили мир, в котором им случилось жить: они знали, чем именно должны платить за подобную привилегию и по каким причинам, и общность этих причин была завершающим штрихом их тесных дружеских отношений. И вот из-за какого-то ревнивого каприза раздосадованной глупой женщины, перед которой он ощущал вины не больше, чем любой молодой человек, расплачивавшийся любезностью за вкусные обеды, он был лишен самой совершенной дружбы, какую когда-либо знал...

Он продолжал блуждать мыслью в прошлом. Вспоминал долгую тоскливую весну в Нью-Йорке после разрыва с Сюзи, изматывающую скуку последних статей для

энциклопедии, вялые размышления о том, как подешевле и не слишком скучно провести лето; и неожиданную, удивительную удачу, когда он с неохотой и в последнюю минуту принял предложение бедняги Ната Фалмера провести выходные у них в Нью-Гэмпшире среди девственной природы и обнаружил там Сюзи – Сюзи, которую он даже не подозревал в знакомстве с кем-нибудь из Фалмеров.

Она держалась безупречно – и он тоже, – но оба явно были очень рады встрече. А потом было неловко находиться с ней вместе в доме Фалмеров, далеко не таком большом и роскошном, в каких они привыкли гостить, – тесном коттедже, в котором хозяин вынужден был устроить себе мастерскую на веранде, хозяйка упражнялась в игре на скрипке в столовой, а пятеро вездесущих детей вопили, дудели и кидали головастиков в кувшины с водой, и обед, который подали не в четыре, а на два часа позже, соответственно был плох – поскольку повар-итальянец позировал для Фалмера.

Первой мыслью Лэнсинга было, что встреча с Сюзи в подобных обстоятельствах – действенный способ избавить их обоих от сожалений. Случай Фалмеров был ужасным наглядным уроком, демонстрирующим, что бывает с молодыми людьми, которые теряют голову; бедняга Нат, чьи картины никто не покупал, был в безнадежном застое как художник, а у Грейс в ее двадцать девять все уже было в прошлом, как у женщины, о которой люди говорят: «Помню времена, когда она была очаровательна».

Но самое странное, что Нат был как никогда приятным собеседником, а Грейс беззаботна и увлечена музыкой, и, несмотря на их растрепанность и неопрятность, на отвратительный обед и общую сумасшедшую обстановку, в их обществе было куда веселее, чем на пышных чинных вечеринках, на которых Сюзи и Лэнсинг вечно изнывали от скуки.

Было почти облегчением для молодого человека, когда на другой день мисс Бранч увлекла его в узкий коридор, чтобы сказать:

– Я больше не в состоянии выносить одновременно скрипку Грейс и клаксон маленького Ната. Давай выйдем прогуляемся до окончания их дуэта.

– Я дивлюсь, как они сами это выносят? – бесстыдно вторил он, поднимаясь вслед за ней по лесной тропинке позади дома.

– Может быть, стоит это выяснить, – ответила она с задумчивой улыбкой.

Но он оставался непоколебим в своем скептицизме:

– О, еще год или два, и они разорятся окончательно!.. Ты знаешь, что его картины никогда не будут продаваться. Он даже не сможет их нигде выставить.

– Полагаю, ты прав. А она никогда не сможет извлечь какую-то пользу из своей музыки.

Они поднялись на поросший соснами холм, высоко поднимавшийся над выступом, на котором примостился дом. Во все стороны простерся пустынный пейзаж с бесконечными однообразными лесистыми холмами.

– Только подумаю, каково торчать тут круглый год!.. – простонал Лэнсинг.

– Понимаю тебя. В таком случае думай о том, как путешествуешь по миру с кем-нибудь несносным!

– О боже, да! Например, как ездил в Индию с семьей Мортимера Хикса. Но другого такого шанса мне не представилось бы, и что тут, черт побери, сделаешь?

– Хотела бы я знать! – вздохнула она, думая о Бокхаймерах.

Он повернулся и посмотрел на нее:

– Знать что?

– Ответ на твой вопрос. Что делать, когда видишь обе стороны проблемы? Больше того, все ее возможные стороны?

Они присели под соснами на вершине холма, но Лэнсингу, замороженному движением на ее щеке тени густых ресниц, было не до любования пейзажем, расстилавшимся у их ног.

– Ты имеешь в виду, что Нат и Грейс все же достигли идеала?

– Как я могу утверждать такое, когда сказала тебе, что вижу все стороны?

Конечно, – поспешно добавила Сюзи, – я не смогла бы прожить, как живут они, и недели. Но удивительно, насколько мало это заботит их.

– Безусловно, Нат никогда не был так блистателен. А она ему не уступает и даже превосходит. – Она задумалась. – Мы им помогли, смею сказать.

– Да – или они нам. Интересно чем?

После этой фразы – помнилось, они долго сидели молча – он взорвался мальчишеским негодованием против тирании существующего порядка вещей, вслед за чем неожиданно страстно спросил, почему, раз уж ни он, ни она не могут изменить этот порядок, раз оба они имеют привычку воспринимать факты такими, как есть, они, глупцы, не воспользуются шансом обрести счастье единственно доступным им способом. Он не помнил, чтобы Сюзи дала на этот вызывающий вопрос какой-нибудь определенный ответ; но после новой паузы, когда весь мир сосредоточился в неожиданном поцелуе, он услышал, как она задумчиво и еле слышно пробормотала: «Не думаю, чтобы кто-то пытался проделать такое; но мы можем попробовать...» И тут же изложила ему план этого самого рискованного эксперимента, который они с тех пор проводят.

Она начала с того, что не желает никакого тайного счастья; и с обычной своей бесстрастной рассудительностью изложила, по каким причинам. Во-первых, когда-то ей нужно выходить замуж, и, заключив сделку, она намерена честно держать слово; а во-вторых, если говорить о любви, она никогда не ответит взаимностью человеку, которым не будет по-настоящему увлечена, и, если когда-нибудь жизнь подарит ей такое счастье, она не желает лишаться хотя бы части этого чуда из-за необходимости лгать, интриговать и хитрить.

– Слишком много я видела таких случаев. Половина женщин, которые, как я знаю, имели любовников, заводили их ради удовольствия таиться и лгать об этом; но другая половина была несчастна. Я буду несчастна.

Тут-то она и поделилась своим планом. Почему бы им не пожениться; принадлежать друг другу открыто и честно хотя бы короткое время и с ясным пониманием того, что, как только любому из них представится случай сделать

лучшую партию, он или она будут немедленно освобождены от обязательств? Закон их страны способствует подобным обменам, и общество начинает относиться к ним так же снисходительно, как закон. Излагая свою идею, Сюзи все больше воодушевлялась и принялась объяснять, какие перед ними открываются бесконечные перспективы.

– На самом деле мы в известной степени больше помогали бы друг другу, чем мешали, – горячо убеждала она. – Мы оба прекрасно знаем свет; что не видит один, может заметить другой, – я имею в виду, в смысле возможностей. И потом, это будет для них нечто новенькое, когда мы станем супружеской парой. Мы с тобой оба необычайно популярны – почему не признать это откровенно! – и для устраивающих обеды будет благословением рассчитывать на пару, в которой оба интересны обществу. Да, я действительно верю, что нас ждет вдвое больший успех, чем тот, которым мы пользуемся сейчас; по крайней мере, – добавила она с улыбкой, – если его есть куда увеличивать. Не знаю, что ты испытываешь, ведь популярность мужчины не столь недолговечна, как популярность девушки, но знаю, моя вновь возродится, когда я предстану в качестве замужней дамы. – Она отвернулась и, глядя на протяженную долину у ее ног, тихо добавила: – И я хочу, хотя бы на недолгое время, почувствовать, что в моей жизни есть что-то свое – что-то не заемное, не чужое, вроде маскарадного костюма, или авто, или манто для выездов.

Поначалу предложение Сюзи показалось Лэнсингу столь же безумным, сколь восхитительным: оно ужасно напугало его. Но ее доводы были неопровержимы, ее изобретательность неистощима. Она спросила: приходило ли когда-нибудь ему в голову такое? Нет, не приходило. А она над этим думала; и не будет ли он так добр не перебивать ее? Во-первых, свадебные подарки. Она имеет в виду драгоценности, авто, серебряный обеденный сервиз? Ничего подобного! Она видит, что он не задумывался над этим вопросом по-настоящему. Чеки, мой дорогой, ничего, кроме чеков, – она все продумала: наверное, она может рассчитывать чеков на пятьдесят, и полагает, что он сможет собрать еще сколько-нибудь? Конечно, все это будут просто деньги на мелкие расходы! Потому что о том, где жить, заботиться не придется: он сам это увидит. Люди всегда рады предоставить свои дома новобрачным. Будет так интересно ездить и осматривать их: так романтично и весело. Все, что от них потребуется, – это соглашаться пожить по очереди то в одном месте, то в другом: растянуть медовый месяц на год! Чего он боится? Или сомневается, что они будут настолько счастливы, что захотят оставаться вместе? И вообще, почему хотя бы не попробовать – обручиться, а там будет видно? Даже если она не права и ее план провалится, это ведь очень мило – просто представить, что они будут

счастливы месяц или два, не так ли?

– Я себе часто такое представляю, – сказала она в заключение, – но представлять это с тобой – совершенно другое дело...

Так все началось и вот к чему привело: к этим грезам на озере. Какими бы фантастически невыносимыми ни казались ее предвидения, все они сбылись. Если и были определенные звенья в цепочке событий, которые Лэнсинг не смог проследить, – некие меры и ухищрения, еще нуждавшиеся в дальнейшем выяснении, что ж, о них он лениво решил расспросить ее когда-нибудь потом; а пока все это стоит того, чем они уже расплатились, и всяческих кар, которые еще могут обрушиться на него в будущем, – сидеть здесь, блаженствуя в тишине, ее голова покоится на его колене, и быть объатым радостью, как безмолвный мир – лунным светом.

Он наклонился и поцеловал ее. Прошептал:

– Просыпайся, пора идти спать.

III

Через несколько часов их месяц на Комо подойдет к концу. До последнего момента они надеялись продлить пребывание на вилле; но при всей своей любезности Стреффи не мог дольше оставлять ее в их распоряжении, поскольку ему удалось сдать ее за невероятную плату каким-то отвратительным бахвалом, которые настаивали на вселении в согласованный срок.

Оставив на рассвете теплый бочок Сюзи, Лэнсинг спустился к воде – понырять напоследок; и сейчас в прозрачном свете плыл к берегу, глядя на сад, полный цветов, длинный низкий дом с кипарисовой рощей позади него и окно, за которым еще спала жена. Прошедший месяц был прекрасен, и их счастье – редкостным и фантастически совершенным, как этот вид перед его взором. Он окунулся подбородком в искрящуюся мелкую волну и вздохнул по недолго продолжавшемуся блаженству...

Так не хотелось расставаться с этой благополучной жизнью, но и следующий этап обещал быть едва ли менее восхитительным. Сюзи оказалась волшебницей: все, что она предсказывала, осуществлялось. В приглашениях не было недостатка; казалось, со всех сторон к ним устремляются ангелы, неся разнообразные дары, от piano mobile[4 - Первый этаж палаццо.] в Венеции до загородного дома в Адирондакских горах. Сейчас они склонились в пользу Венеции. Помимо других соображений, рискованно было тратиться на путешествие через Атлантику; так что они направлялись на Джудекку, в палаццо Нельсона Вандерлина. Они сошлись на том, что по практическим соображениям зимой будет мудрей вернуться в Нью-Йорк. Так они будут оставаться на виду, а возможно, им откроются и новые возможности; конечно, у Сюзи уже была на уме удобная квартирка, и она была уверена, что кухню-кочевницу (если тактично поговорить с ней и уверить, что они не перетрудят ее кухарку) вполне можно будет склонить предоставить ее жилье на время в их распоряжение. Пока же не было настоящей нужды строить планы; и если существовало какое-то искусство, которым молодой Лэнсинг овладел в совершенстве к своим двадцати восьми годам, так это искусство жить исключительно настоящим, не заботясь о дне завтрашнем...

Если в последнее время он пытался заглядывать в будущее пристальней, чем ему было свойственно, то только из-за Сюзи. Когда они поженились, он намеревался относиться к ней так же по-философски, как к себе; и он знал, что ее больше всего возмутило бы, если бы он увидел в их союзе причину для тревожных размышлений. Но с тех пор как они стали жить вместе, она бегло поведала ему о своем прошлом, и это пробудило в нем злое желание беречь и защищать ее будущее. Ему невыносимо было думать, что такой тонкой душе вечно придется смиряться с теми компромиссами, из которых состоит их несчастная жизнь. Что до него самого, то ему это было совершенно безразлично: для себя он составил приблизительный кодекс правил, краткий набор «можно» и «нельзя», который в огромной степени упрощал дело. Были вещи, которые человек терпит ради конкретных, ясных и недостижимых иным способом целей; но были и такие, на которые он не согласился бы ни за какую цену. Однако теперь он начал понимать, что для женщины все могло обстоять иначе. Искушение могло быть сильнее, цена – много выше, грань между «можно» и «нельзя» – более изменчивой и менее отчетливой. Сюзи, в семнадцатилетнем возрасте оставшейся одной перед лицом мира и способной рассчитывать лишь на своего отца, безвольного мота, в определении этой нечеткой границы и в обстоятельствах, подталкивающих к тому, чтобы переступить ее, уберегло главным образом врожденное презрение к проявлениям человеческого безрассудства. «На подобную чепуху гробил жизнь» – таков был ее краткий

комментарий по поводу преждевременной кончины родителя: будто она заранее признавала неизбежность саморазрушения человека ради чего-то, но решила твердо различать между тем, что стоило такой жертвы, а что не стоило.

Подобная философия поначалу восхищала Лэнсинга, но теперь начала пробуждать в нем смутные страхи. Прочная броня разборчивости оберегла ее от тех опасностей, которым она подвергалась в прошлом; но что, если другие, более коварные опасности найдут щель в этой броне? Есть ли в ее интуитивной способности проводить между ними различия что-то равное его собственному кодексу правил? Не может ли самое влечение к лучшему и редкостному стать причиной ее краха; и если на ее долю выпадет нечто серьезное, а не «чепуха», задумается ли она хоть на секунду пожертвовать собой ради этого?

Он был полон решимости соблюдать договоренность о том, что они никак не будут мешать друг другу в случае, если у кого-то из них появится, как они это именовали, лучший «шанс»; но что, если он не сможет ее отпустить, когда таковой появится у нее? Он хотел для нее самого лучшего, хотел страстно; но его представление о лучшем так незаметно, так неощутимо изменилось под влиянием их первого месяца, проведенного вместе.

Ленивые гребки медленно приближали его к берегу; но раннее утро было таким дивным, что, не доплыв нескольких ярдов до пристани, он ухватился за цепь лодки Стреффи и лег на воде на спину, вновь отдавшись видениям... Уезжать не хотелось; и несомненно, именно это нежелание побуждало к бесполезному самокопанию. В Венеции, конечно, будет восхитительно; но такого наслаждения, как здесь, они больше нигде не испытают. И к тому же у них есть только год благополучной жизни, и из этого года месяц уже прошел.

Он нехотя вылез на берег, прошел к дому и распахнул окно в прохладной пестрой гостиной. Уже заметно было, что в доме готовятся к отъезду. В холле – чемоданы, на ступеньках – теннисные ракетки; на лестничной площадке кухарка Джульетта обхватила обеими руками выскальзывающую сумку с кухонным скарбом, которая отказывается закрываться. От всего этого его охватило зябкое ощущение нереальности, словно прошедший месяц был актом пьесы и вот декорации убирают за кулисы, чтобы освободить место на сцене для нового акта, в котором он и Сюзи не принимают участия.

Когда он снова спустился, одетый и голодный, на террасу, где его ждал кофе, обычное приятное чувство покоя вернулось к нему. Сюзи поджидала его, свежая

и веселая, с розой в вырезе платья и солнцем в волосах; голова ее была склонена над «Брадшо»[5 - Справочник расписания на всех железных дорогах Великобритании. Издавался с 1839 по 1961 г.], но она махнула ему рукой, приглашая садиться, и через секунду подняла глаза и сказала:

- Да, думаю, мы как раз можем успеть на него.

- Успеть на что?

- На поезд, отходящий из Милана, - если отправимся на авто ровно в десять.

- Авто? Какое авто? - воззрился он на нее.

- Авто новых жильцов Стреффи. Он не сказал мне, как их зовут, а шофер говорит, что не может выговорить их фамилии. Во всяком случае, самого шофера зовут Оттавио; я с ним уже подружилась. Он прибыл вчера вечером, и, по его словам, они не приедут в Комо раньше сегодняшнего вечера. Он прямо ухватился за идею отвезти нас в Милан.

- Господи!.. - воскликнул Лэнсинг, когда она остановилась.

Она со смехом выскочила из-за стола:

- Это будут настоящие гонки; но я все устрою, если ты немедленно пойдешь и побросаешь последние вещи в свой чемодан.

- Да, но послушай... ты представляешь, во сколько это нам обойдется?

Она весело подняла брови:

- Конечно. Намного дешевле, чем стоили бы железнодорожные билеты. У Оттавио подружка в Милане, и он не видел ее полгода. Когда я об этом узнала, то поняла: он поедет туда во что бы то ни стало.

Очень умно с ее стороны. Он рассмеялся. Но почему он стал бояться даже самых безобидных подтверждений ее неизменной способности все «устраивать»? «Ну что ж, - подумал он про себя, - она права: малый наверняка поедет в Милан».

Наверху, спеша в свою гардеробную, он застал Сюзи в пышном облаке нарядов, которые она умело уминала в последний саквояж. Он никогда не видел, чтобы кто-нибудь еще паковался столь же ловко: то, как она терпеливо управлялась с вещами, не желавшими уместиться в чемодане, было символом того, как она пригоняла упрямые факты к своей жизни. «Когда стану богатой, – часто повторяла она, – ни за что не потерплю дуру-горничную возле моих чемоданов».

Когда он проходил мимо, она, порозовевшая от напряжения, посмотрела на него через плечо и вытащила из недр саквояжа коробку сигар:

– Дорогой, положи себе в карман пару сигар для Оттавио за услугу.

Лэнсинг опешил:

– Что, скажи на милость, ты делаешь? Это же сигары Стреффи?

– Упаковываю, конечно... Ты же не думаешь, что, оставляя их, он имел в виду этих людей? – Она посмотрела на него с искренним удивлением.

– Не знаю, кого он имел в виду, но они не наши...

Она продолжала удивленно смотреть на него:

– Не понимаю, к чему такая щепетильность. Сигары даже не его, не Стреффи... можешь быть уверен, ему их преподнес какой-нибудь пройдоха. И он ни за что не захотел бы передавать их кому-то другому.

– Вздор! Если они не его, то тем более они не мои. Пожалуйста, дай их сюда, дорогая.

– Как хочешь! Но, по-моему, напрасно; и разумеется, новым постояльцам не достанется ни одной... Садовник и любовник Джульетты позаботятся об этом!

Лэнсинг перевел взгляд с нее на волны кружев и муслина, из которых она вынырнула, как розовая nereida:

– Сколько коробок осталось?

– Только четыре.

– Распакуй их, пожалуйста.

Повисла вызывающая пауза, за время которой Лэнсинг успел с раздражением почувствовать несоразмерность своего гнева и причины, вызвавшей его. И это разозлило его еще больше.

Она протянула ему коробку:

– Остальные в твоем чемодане внизу. Он заперт, и ремни застегнуты.

– Тогда давай и ключ.

– Мы могли бы отослать их обратно из Венеции, не так ли? Замок на чемодане заедает: полчаса будешь возиться.

– Дай мне ключ, пожалуйста!

Она протянула ему ключ.

Он спустился вниз и предсказанные полчаса сражался с замком под озадаченным взглядом Джульетты и наблюдавшего за ним с порога с язвительной усмешкой шофера, который то и дело вежливо напоминал, как долго добираться до Милана. Наконец ключ повернулся, и Лэнсинг, с обломанными ногтями, весь потный, вытащил сигары и прошествовал с ними в пустынную гостиную. Большие букеты золотистых роз, срезанных им и Сюзи накануне, роняли лепестки на мраморный узор пола, бледные камелии плавали в высоких алебастровых вазах, стоящих между окнами, ветерок с озера веял неотступными ароматами сада. Никогда небольшой дом Стреффи так не походил на роскошное гнездышко. Лэнсинг положил коробки на столик и взбежал наверх собрать последние вещи. Когда он снова спустился вниз, жена, глаза которой сияли от удовольствия, сидела в наемной колеснице (вещи умело убраны в багажник), а Джульетта и садовник целовали ей руку и утирали безутешные слезы прощания.

«Любопытно, чем она их одарила?» – подумал он, прыгнув на сиденье рядом с ней, и авто помчалось мимо соловьиных зарослей к воротам.

IV

Вилла Чарли Стреффорда походила на птичье гнездо в розовом кусте. Палаццо Вандерлинов требовало более величественных аналогий.

Его обширность и великолепие казались Сюзи гнетущими. Высадка в полумраке у огромной мрачной лестницы, обед за тускло освещенным столом в зале под взглядами взирающих с потолка олимпийских богов, зябкий вечер в углу салона, где, должно быть, танцевали менуэты перед тронном, – все это разительно отличалось от блаженной интимности Комо, как их неожиданное чувство разлада от душевного единения день еще назад.

Путешествие прошло очень весело: оба, Сюзи и Лэнсинг, слишком долго учились искусству сглаживать острые углы, так что им ничего не стоило не показывать друг другу огорчения от первой размолвки. Но в глубине души, невидимое, оставалось неприятное чувство; и сожаление оттого, что она была причиной этой размолвки, терзало грудь Сюзи, сидевшей в своей увешанной гобеленами спальне со сводчатым потолком, расчесывая волосы перед мутным зеркалом.

«Я думала, что мне нравится великолепие, но это уже слишком, какие-то нечеловеческие масштабы, – размышляла она, глядя на свою бледную руку, движущуюся в тусклой глубине зеркала. – Впрочем, Элли Вандерлин выше меня разве что на полдюйма, а уж чувства собственного достоинства в ней ничуть не больше моего... Может, оттого, что я ощущаю себя такой ужасно маленькой, дворец и кажется страшно огромным?»

Сюзи любила роскошь: среди окружающего великолепия она всегда чувствовала себя горделивой красавицей; она не помнила, чтобы прежде ее подавляло столь наглядное свидетельство богатства.

Она отложила щетку и оперлась подбородком о стиснутые ладони... Даже сейчас было совершенно непонятно, что побудило ее взять сигары. Она всегда

глубоко признавала за достоинство свою врожденную щепетильность: когда мнение можно было обосновать, она вела себя необычайно свободно, но относительно вещей, о которых невозможно рассуждать логически, была странно упряма. И все же она взяла сигары Стреффи! Взяла – и в этом все дело, – взяла их для Ника, потому что желание доставить ему удовольствие, побаловать какими-то приятными, дорогими мелочами стало ее всепоглощающей заботой. Ради него она пошла на один из тех проступков, какие совершать ради себя считала неприемлемым; и поскольку он не сразу ощутил разницу, она не могла ему это объяснить.

Она со вздохом поднялась, тряхнула распущенными волосами и окинула взглядом огромную комнату, украшенную фресками. Горничная что-то говорила о письме, которое для нее оставила синьора; и действительно, оно лежало на бюро вместе с ее и Ника почтой; толстый конверт, надписанный детскими каракулями Эли и с подчеркнутым «Лично» в уголке.

«Наверное, черт возьми, что-то важное, она ведь так ненавидит писать», – задумалась Сюзи.

Потом надорвала конверт, и оттуда выпали четыре или пять писем, проштемпелеванных и скрепленных печатью. Все надписаны рукой Элли и адресованы Нельсону Вандерлину, эсквайру; на каждом в уголке стояла бледная надпись карандашом – номер и дата: одно, второе, третье, четвертое, с интервалом в неделю между датами.

– Господи!.. – ахнула она, все поняв.

Она упала в стоящее возле бюро кресло и долго глядела на пронумерованные письма. Между ними трепетал листок бумаги, исписанный почерком Элли, но она не притрагивалась к нему, прекрасно догадываясь, что там написано! Она, естественно, все знала о своей подруге, в отличие от бедного старины Нельсона. Но не могла вообразить, что Элли осмелится использовать ее таким образом. Невероятно... она и не представляла себе подобной низости... Кровь бросилась ей в лицо, она вскочила в гневе, готовая разорвать письма на мелкие клочки и швырнуть все в огонь.

В этот момент муж постучал в дверь между их комнатами; она сгребла письма и сунула их под блокнот промокательной бумаги.

– Ох, пожалуйста, не сейчас, дорогой, – откликнулась она. – Я еще не закончила разбирать вещи, тут у меня такой беспорядок. – Собрав бумаги и письма Ника, она подбежала к двери и сунула их ему через порог, одарив сияющей улыбкой. – Держи, это тебя развлечет.

Она вернулась к бюро, чувствуя слабость от стыда. Записка Элли валялась на полу: она нехотя наклонилась за ней, и одна за другой ожидаемые фразы набросились на нее.

«Долг платежом красен... Конечно, ты и Ник можете остаться на все лето... Платить вам ни за что не нужно – слуги получили распоряжение на сей счет... Если бы ты только была так добра и отправила эти письма сама... Это был мой единственный шанс за целую вечность; все тебе объясню при встрече. И самое позднее через месяц я вернусь за Клариссой...»

Сюзи поднесла письмо к лампе, чтобы удостовериться, правильно ли прочла фразу. За Клариссой! Значит, ребенок Элли здесь? Здесь, под одной крышей с ними, оставлен на их попечение? Она продолжила читать, кипя от ярости: «Бедняжка так радовалась, когда услышала, что ты приезжаешь. Я была вынуждена избавиться от ее отвратительной дерзкой воспитательницы, и, если бы не ты, девочка осталась бы совершенно одна среди множества слуг, которым я не слишком доверяю. Поэтому, умоляю, будь доброй с моим ребенком и прости, что оставляю ее на тебя. Она думает, что я уехала лечиться, и знает, что не должна говорить папе, что меня нет, потому что он только будет волноваться, подумав, что я больна. Ей совершенно спокойно можно доверять; ты увидишь, какой она умный ангел...» И дальше, в самом низу страницы, наискосок, в последнем постскриптуме: «Сюзи, дорогая, если хочешь ответить добром на добро, пусть твоим святым долгом будет никому ни о чем не говорить, даже Нику. И знаю, что могу рассчитывать, – ты же сотрешь номера с писем?»

Сюзи вскочила и швырнула записку миссис Вандерлин в огонь: потом медленно вернулась в кресло. У ее локтя лежали четыре роковых конверта, и теперь предстояло решить, что с ними делать.

Первой мыслью было уничтожить их немедленно – так она спасет и Элли, и себя. Но тогда ей придется завтра же съезжать, а это означает, что нужно в свою очередь известить Элли, чей адрес она напрасно искала в записке. Правда, возможно, нянька Клариссы знает, куда писать ее матери; вряд ли даже Элли могла уехать, не позаботившись о каком-то способе поддерживать связь со

своим ребенком. Во всяком случае, этой ночью ничего уже не сделать, ничего, кроме как обдумывать детали их завтрашнего бегства и ломать голову над поиском нового приюта взамен того, от которого они отказывались. Сюзи не скрывала от себя, что очень рассчитывала на дом Вандерлинов на лето: такая возможность необычайно упрощала будущее. Она знала о щедрости Элли и была заранее уверена, что, пока они ее гости, единственное, что им придется оплачивать, – это изредка подарки слугам. А какая у них есть альтернатива? Она и Лэнсинг в бесконечных разговорах привыкли представлять, как проводят в праздности дни в лагуне, жаркие часы – на пляже Лидо, вечера, наполненные музыкой и мечтами, – на широком балконе над Джудеккой, и мысль, что придется отказаться от этих радостей и лишиться их Ника, наполнила Сюзи яростью, еще более сильной оттого, что он сказал ей по секрету: когда они спокойно устроятся в Венеции, он «собирается писать книгу». В груди уже рождалась яростная решимость писательской жены защищать уединение мужа и облегчать его общение с музой. Это было отвратительно, просто отвратительно, что Элли Вандерлин заманила ее в такую ловушку!

Ну что же – ничего другого не остается, как откровенно рассказать обо всем Нику. Тривиальный случай с сигарами – сколь тривиальным он казался теперь! – продемонстрировал ей, каким Ник может быть твердым и бескомпромиссным. Она все расскажет ему утром, и они попытаются совместно найти выход: вера Сюзи в свою способность находить выход в любой ситуации была неистошима. Но тут она неожиданно вспомнила о заклинании миссис Вандерлин в конце ее записки: «Если хочешь ответить добром на добро, пусть твоим святым долгом будет ни слова не говорить Нику...»

Вот об этом как раз никто не имел права ее просить: если, собственно, слово «право» в какой-то степени применимо к этому клубку зол. Но факт остается фактом: что касается ответа добром на добро, она действительно была многим обязана Элли, и это первый случай, когда подруга требовала ответной платы. Больше того, Сюзи оказалась точно в таком же положении, как тогда, когда Урсула Джиллоу, пользуясь тем же доводом, обратилась к ней с просьбой отказаться от Ника Лэнсинга. Да, размышляла Сюзи, но Нельсон Вандерлин тоже был добр к ней; и щедрость Элли оплачивалась деньгами Нельсона... Своеобразное здание моральных правил Сюзи шаталось на своем основании, поскольку она искренне не знала, на что опереться честности среди такого множества предательств.

Сама глубина ее замешательства озадачивала Сюзи. Она и прежде оказывалась в «трудном положении», и несколько раз в таком, из которого действительно не было выхода! Оглядываясь на свое прошлое, она видела бесконечную сеть уступок и уловок. Но никогда прежде так остро не ощущала себя в ловушке, с кляпом во рту и связанной. Несколько неприятное чувство, оставленное эпизодом с сигарами, продолжало досаждать ей, а теперь еще это ужасное унижение наложилось на живую рану. Решительно за медовым месяцем у них начинался полынный...

Она глянула на дорожные часы с эмалью на своем туалетном столике – один из немногих свадебных подарков не в денежной форме, которые она согласилась принять, – и испугалась тому, что уже так поздно. Сейчас зайдет Ник; и неприятное ощущение в горле предупредило ее, что просто из-за нервного состояния и раздраженности она может сболтнуть что-нибудь необдуманное. Старая привычка всегда быть настороже заставила ее еще раз оборотиться к зеркалу. Лицо бледное и измученное; быстро и умело придав ему с помощью косметики еще более утомленный вид, она пересекла покои и тихо открыла дверь в спальню мужа.

Он тоже сидел возле лампы, читая письмо, которое отложил, когда она вошла.

– Я очень устала, и голова ужасно болит, так что я пришла пожелать тебе доброй ночи.

Склонившись над ним через спинку стула, она положила руки ему на плечи. Он сжал ее ладони, но, когда откинул назад голову, чтобы улыбнуться ей, она уловила в его взгляде серьезное, почти отсутствующее выражение. Как будто впервые между их глазами опустилась тонкая вуаль.

– Мне так жаль, долгий день был для тебя, – рассеянно сказал он и прижался губами к ее рукам.

Судорожно сглотнув, она крепко обняла его и воскликнула:

– Ник! Прежде чем я уйду, ты должен дать честное слово, что понимаешь: я никогда бы не взяла сигар для себя!

Мгновение они одинаково серьезно смотрели друг на друга; затем обоих охватило неудержимое веселье, и взрыв хохота унес без остатка все терзания Сюзи.

Когда она проснулась наутро, солнце било между старыми парчовыми шторами и зайчики от ряби на Канале золотой мелюзгой роились на сводчатом потолке. Горничная только что поставила поднос на изящный инкрустированный столик возле кровати, и над подносом Сюзи увидела серьезное личико Клариссы Вандерлин. При виде маленькой девочки у Сюзи мгновенно развеялись последние остатки беспокойного сна.

Кларисса была маленькой для своих восьми лет: ее круглый подбородок едва доходил до чайного сервиза, а ясные карие глаза смотрели на Сюзи в просвет между корзинкой с тостами и чайной розой в старинной вазе венецианского стекла. Сюзи не видела ее два года, и за это время та, казалось, прошла путь от задумчивого ребенка до совершенно зрелой, опытной женщины. Девочка одобрительно смотрела на гостью матери.

– Я так рада вашему приезду, – произнесла она тоненьким приятным голоском. – Я вас очень люблю. Знаю, мне нельзя будет часто быть с вами; но вы хотя бы обращайтесь на меня внимание, хорошо?

– Обращать внимание! Да я на секунду не оставлю тебя без внимания, если будешь говорить такие приятные вещи! – засмеялась Сюзи и, потянувшись, привлекла к себе ребенка.

Кларисса улыбнулась и устроилась поудобней на шелковом покрывале:

– О, я знаю, что не должна всегда крутиться рядом, потому что вы молодожены; но не могли бы вы позаботиться, чтобы я могла постоянно кушать с вами?

– Как, бедняжка! Разве ты не всегда рядом?

– Не когда мама уезжает на это лечение. Слуги не всегда подчиняются мне: понимаете, я такая маленькая для своего возраста. Конечно, через несколько лет они будут вынуждены... даже если я не намного вырасту, – добавила она рассудительно. Протянула руку и коснулась нитки жемчуга на шее Сюзи. – Мелкий жемчуг, но очень хороший. Наверно, другие вы не берете с

собой, когда отправляетесь в путешествие?

- Другие? Помилуй бог! У меня нет никаких других - и, вероятно, никогда не будет.

- Нет другого ожерелья?

- Вообще никаких других драгоценностей.

Кларисса внимательно посмотрела на нее.

- Это действительно правда? - спросила она, словно не представляла, что такое может быть.

- Ужасная правда, - призналась Сюзи. - Но, думаю, я тем не менее смогу заставить слуг подчиняться.

Этот вопрос, казалось, уже потерял интерес для Клариссы, которая продолжала очень серьезно изучать гостью.

- Вам пришлось расстаться со всеми вашими драгоценностями, когда вы развелись?

- Развелась?.. - Сюзи откинулась головой на подушки и засмеялась. - Что такое пришло тебе в голову? Ты разве не помнишь, что я даже не была замужем, когда ты видела меня в последний раз?

- Да, помню. Но это было два года назад. - Девочка обняла Сюзи за шею и нежно прижалась к ней. - Тогда, значит, вскоре собираешься? Обещаю, что никому не скажу, если не хочешь, чтобы об этом знали.

- Разводиться? Разумеется, нет! Почему тебе пришло такое в голову?

- Потому что вид у вас ужасно счастливый, - просто ответила Кларисса Вандерлин.

Это был довольно незначительный знак, но Сюзи отметила его про себя: в то первое утро в Венеции Ник вышел из дому, предварительно не зайдя к ней, чего прежде не бывало. Она долго оставалась в постели, болтая с Клариссой и ожидая, что дверь вот-вот откроется и появится муж; и когда, после ухода ребенка, вскочила и заглянула в комнату Ника, то увидела, что комната пуста, а короткая записка на его туалетном столике сообщала, что он вышел отправить телеграмму.

Он, как любовник или мальчишка, считал необходимым объяснить свое отсутствие; но почему было просто не зайти и сказать! Она интуитивно связала этот мелкий факт с тенью озабоченности на его лице вчера вечером, когда зашла к нему и застала поглощенным чтением письма; и, одеваясь, она продолжала гадать, что было в том письме и не была ли телеграмма, которую он побежал отправлять, ответом на него.

Но она так и не узнала об этом. Когда он вернулся, прекрасный и радостный, как утро, то не предложил никакого объяснения; а задавать лишние вопросы было не в ее правилах. Не только потому, что ее ревнивое отношение к собственной свободе сочеталось с равным уважением свободы других; она слишком долго лавировала среди рифов и мелей общества, чтобы не знать, как узок пролив, ведущий к душевному спокойствию, и давно решила следить, чтобы ее маленький корабль строго держался фарватера. Но этот случай засел в ее памяти, приобретя чуть ли не символическое значение, как поворотный пункт в ее отношениях с мужем. Не то чтобы отношения стали менее счастливыми, но теперь она ценила их, как прежде всегда ценила подобные радости, словно зыбкий островок в бурном море. Ее теперешнее блаженство было полным, как раньше, но ему грозило все то, что, как сама знала, она скрывает от Ника, и все то, что, как подозревала, Ник скрывает от нее...

Она раздумывала над этим как-то под вечер три недели спустя после их прибытия в Венецию. Время было предзакатное, и она сидела одна на балконе, любуясь тем, как косые лучи солнца, отражаясь от воды, плетут свой узор на фасадах старинных дворцов над своим пылающим отражением. Этот час она почти всегда проводила одна. Ник в конце дня писал – ему хорошо работалось, муза явно посещала его тогда, и обыкновенно он присоединялся к жене только на закате для поздней прогулки по лагуне. Как правило, она брала Клариссу в

Джардино пубблико[б - Джардино пубблико (ит.) (Giardino Pubblico) – городской сад на берегу Венецианской лагуны.], где благодарный ребенок послушно, но безразлично «играл», – Кларисса развлекалась, как свойственно детям ее возраста, но словно подчиняясь устарелой традиции, – и привозила обратно к уроку музыки, звуки которой сейчас неслись из дальнего окна.

Сюзи была чрезвычайно благодарна Клариссе. Если бы не девочка, ее гордость усердными трудами мужа временами могла отзываться легким ощущением, что ее бросили, забыли о ней; и поскольку усердие Ника было полнейшим оправданием их пребывания здесь и того, на что она пошла ради этого, она была благодарна Клариссе: ребенок помогал ей чувствовать себя менее одинокой. Больше того, Кларисса была второй половиной ее оправдания: в неменьшей мере из-за ребенка, чем из-за Ника, Сюзи промолчала, осталась в Венеции и раз в неделю ускользала из дому, чтобы отправить одно из пронумерованных писем Элли. Первый же день, прожитый в палаццо Вандерлинов, убедил ее в невозможности бросить Клариссу одну на попечение слуг. Последующие дни подтвердили, что у семи нянек дитя без глазу и что богатый ребенок подвергается опасностям, неведомым менее избалованным детям; но до сей поры подобные вещи были для нее просто уродливыми деталями в огромном и сложном узоре жизни. Теперь она обнаружила, что сама чувствует то, о чем прежде лишь судила со стороны: ненадежное счастье пришло к ней, обремененное новым состраданием.

Она размышляла об этом и о приближающейся дате возвращения Элли Вандерлин, о накопившихся подробностях, которые поведаст той на ушко, когда заметила гондолу, повернувшую свой высокий нос к ступенькам под балконом. Она перегнулась через балюстраду, и высокий мужчина в поношенном платье, выпрыгивая из гондолы, посмотрел на нее и, радостно приветствуя, помахал старомодной панамой.

– Стреффи! – воскликнула она не менее радостно и бросилась встречать взбегавшего по ступенькам Стреффи, за которым следовал нагруженный багажом лодочник.

– Надеюсь, у вас все в порядке? Элли сказала, что я могу приехать, – шумно объяснил он, – и я собираюсь занять свою обычную зеленую комнату, где панели с попугаями, потому что там вся мебель уже в ужасных пятнах от моего эликсира для волос.

Сюзии сияла от удовольствия – чувства, которое друзья всегда испытывали от общения со Стреффи. Все они сходились во мнении, что нет в мире другого человека и в половину такого ужасного, неряшливого и очаровательного, как Стреффи; такого, в ком сочетались бы столь откровенное самолюбие и невозмутимое добродушие; кто так хорошо знал бы, как заставить вас поверить, что он мил с вами, когда это вы были милы с ним.

В дополнение к этим привлекательным чертам, о ценности которых никто не судил вернее их обладателя, Стреффорд нравился Сюзии еще одним качеством, возможно сам того не сознавая. А именно тем, что был единственным укорененным и постоянным существом среди переменчивых и увертливых фигур, которые составляли ее мир. Сюзии всегда жила среди людей, настолько утративших национальные черты, что тот, кого принимали за русского, обычно оказывался американцем, а человек, выдававший себя за коренного ньюйоркца, оказывался уроженцем Рима или Бухареста. Это были космополиты, которые в неродных странах жили в особняках, огромных, как отели, или в отелях с интернациональными, как официанты, постояльцами, в интернациональных браках, в интернациональной любви и интернациональных разводах на всем пространстве Европы и в соответствии со всеми законами, что пытаются регулировать человеческие узы. Стреффорд тоже имел дом в этом мире, но это был лишь один из его домов. Другой, о котором он говорил, а возможно, и думал куда реже, был громадный унылый английский загородный дом на севере страны, где жизнь его рода, настолько же монотонная и замкнутая, насколько его собственная была разнообразна и подвижна, протекала поколение за поколением; и это чувство дома и того, что он собой олицетворял, при всех причудах и дерзости Стреффорда, то и дело проявлявшееся в его разговоре или в отношении к чему-то или кому-то, придавало ему бо?льшую определенность и устойчивость в сравнении с другими участниками пляски марионеток. В нем, на поверхностный взгляд так похожем на них и так же стремившемся превзойти их в отчужденности и приспособляемости, высмеивавшем предрассудки, от которых сам избавился, и свет, к которому принадлежал, – в нем под непринужденной гибкостью по-прежнему оставался стержень былых убеждений и былых манер. «Он говорит на всех языках так же хорошо, как прочие из нас, – однажды сказала о нем Сюзии, – но по крайней мере на одном он говорит лучше других»; и Стреффорд, когда ему это передали, рассмеялся, назвал ее идиоткой, но был доволен.

Когда он тащился по лестнице рука об руку с ней, она думала об этом его качестве, которое стала ценить еще выше, чем прежде. Даже она и Лэнсинг, несмотря на истинно американское происхождение и старорежимную родню в

Нью-Йорке и Филадельфии, были, как и везде на родине, так же душой далеки от всего этого, как зазывалы на международной выставке. Если в них обычно распознавали американцев, то лишь потому, что они прекрасно говорили по-французски, и потому, что Ник был слишком светловолос для «иностранца» и имел слишком резкие черты лица для англичанина. Но Чарли Стреффорд был англичанин с застарелыми привычками; и Сюзи постепенно открывала для себя красоту привычки.

Развалившись в лонгшезе на балконе, куда он последовал за Сюзи, даже не приведя себя в порядок с дороги, Стреффорд проявил чрезвычайный интерес к последней главе ее истории, чрезвычайно довольный тем, как прошла предыдущая под крышей его виллы, и выразил очень непочтительное удивление твердостью, с какой она отказалась пустить его к Нику, пока тот не закончит дневной нормы своего писания.

– Пишет? Чушь! Что он пишет? Он приучает тебя думать, что он пишет, моя дорогая; вот что он делает: заботится об алиби. Ты еще будешь сомневаться, что он просто сидит и почитывает «Le Rire»?[7 - «Смех» (фр.) – популярный в 1894–1950 гг. французский юмористический журнал.] Пойдем проверим.

Но Сюзи была непреклонна:

– Он прочитал мне первую главу – просто замечательно. Это философский роман, – знаешь, очень похоже на историю Мария[8 - Гай Марий (156–86 до н. э.) – римский полководец и политический деятель, известен своей реформой армии, которую поставил на профессиональную основу.].

– О да, знаю! – ответил Стреффорд с дурацким смехом.

Она покраснела, как ребенок.

– Дурень ты, Стреффи. Ты забыл, что мы с Ником не нуждаемся ни в каких алиби. Мы избавились от всяческого лицемерия, условившись, что дадим друг другу свободу, когда кто-то из нас захочет перемены. Мы поженились не для того, чтобы шпионить, лгать и мучить друг друга; мы объединились ко взаимной выгоде.

– Понимаю; это ваш капитал. Но как ты можешь быть уверена, что, когда Ник захочет перемены, ты примиришься с этим?

Подобное тайное сомнение терзало Сюзи; она часто задавалась вопросом, не терзает ли такое же сомнение и Ника.

– Надеюсь, у меня достанет здравого смысла... – начала она.

– О, конечно: здравый смысл – прекрасный аргумент в споре.

Это пронцательное замечание привело ее в замешательство, и она сказала слегка раздраженно:

– А что ты сделал бы, если бы женился?.. И потише, Стреффи! Запрещаю тебе так кричать... вон, все гондолы останавливаются, чтобы поглазеть на нас!

– Что я могу сделать? – Он качался взад и вперед в кресле. – «Если женишься», – говорит она. – «Стреффи, что ты решил делать, если вдруг сойдешь с ума?»

– Ничего похожего я не говорила. Если твой дядя и твой двоюродный брат умрут, ты завтра же женишься, придется, сам знаешь.

– О, теперь ты говоришь дело. – Он скрестил свои длинные руки на груди и наклонился над балюстрадой, глядя вниз на сумрачную рябь, окрашенную пожаром заката. – В таком случае я бы сказал: «Сюзан, дорогая... Сюзан... теперь, когда, благодаря милостивому вмешательству Провидения, ты занесена в качестве графини Олтрингемской в книгу пэров Великобритании и в качестве баронессы Денстервильской и д'Эмбле в книгу пэров Ирландии и Шотландии, будь добра, запомни, что ты член одного из самых древних родов Соединенного Королевства – чтобы в этом не усомнились».

Сюзи засмеялась:

– Мы знаем, что означают подобные предостережения! Мне жаль мою тещу.

Он развернулся и быстро взглянул на нее неприятно моргающими глазами:

– Разве есть в мире другая женщина по имени Сюзан?

– Надеюсь, есть, если имя имеет значение. Даже если Ник бросит меня, не рассчитывай на меня в своих планах. Слишком часто я видела, что из этого получается на практике.

– Что ж, насколько мне известно, в Олтрингеме все в добром здравии. – Он пошарил в кармане и извлек авторучку, протекавшую и завернутую в носовой платок, и мятую пачку сигарет. Закурив и убрав остальные вещи обратно в карман, он спокойно продолжил: – Скажи мне, как тебе удалось уладить отношения с семейкой Джиллоу? Урсула была в ярости, когда я был в Ньюпорте прошлым летом; как раз тогда пошли разговоры, что ты собираешься замуж за Ника. Я боялся, что она будет вставлять тебе палки в колеса; а услышал, что вместо этого она вручила тебе чек на крупную сумму.

Сюзи молчала. С первого момента появления Стреффорда она знала, что этого вопроса не избежать. Он был страшно любопытен, как обезьяна, и, когда решал выяснить что-нибудь, увилывать было бесполезно. Секунду поколебавшись, она ответила:

– Я флиртовала с Фредом. Это была такая скука, но он вел себя очень пристойно.

– Еще бы! Бедный Фред. И ты основательно напугала Урсулу!

– Да... достаточно. А потом, к счастью, появился молодой Нерон Альтинери из Рима: он приехал в Нью-Йорк в поисках работы инженера, и Урсула заставила Фреда взять его на их железодельный завод. – Она снова замолчала, потом внезапно добавила: – Стреффи! Если б ты знал, как мне все это осточертело! Я бы предпочла, чтобы Ник вошел сейчас и откровенно сказал мне, как, знаю, он скажет, что уезжает с...

– С Корал Хикс? – предположил Стреффорд.

Она рассмеялась:

– Бедная Корал Хикс! С чего это тебе пришли в голову Хиксы?

– Я их мельком видел на Капри недавно. Они путешествуют здесь: говорят, собираются сюда.

– Что за напасть! Надеюсь, не найдут нас тут. Они были ужасно добры к Нику, когда он ездил с ними в Индию, и они настолько бесхитростны, что уверены: он обрадуется встрече с ними.

Стреффорд прицелился окурком в туриста на узком тротуаре, который поднял голову от путеводителя и разглядывал палаццо.

– Ага! – пробормотал он, удовлетворенный метким попаданием, потом добавил: – Корал Хикс становится довольно хорошенькой.

– Ох, Стрефф, ты грезишь! Эта пухлая девица в очках и с толстыми щиколотками! Бедняжка миссис Хикс говорила Нику: «Когда мистер Хикс и я давали Корал образование, мы полагали, что в Европе культура ценится больше, но, кажется, ошибались».

– Вот увидишь: образование этой девице не помешает, когда она созреет для замужества. Так что: если Ник войдет и скажет, что уезжает?..

– Я была бы так благодарна, если б это оказалась пугало вроде Корал! Но знаешь, – добавила она с улыбкой, – мы договорились, что если это случится, то не раньше чем через год.

VI

Когда Стреффорд перестал наконец нести вздор, Сюзии нашла, что он необычно доброжелателен и отзывчив. Интерес, который он проявил к ее и Ника будущему, казалось, был продиктован не столько присущей ему пытливостью естествоиспытателя, сколько простым дружелюбием. Ему было позволено прочитать первую главу книги Ника, о которой у него сложилось столь благоприятное впечатление, что он принялся строго внушать Сюзии, как важно не нарушать покой мужа, когда тот работает; он простер свою общую благожелательность даже на Клариссу Вандерлин, проявив к ней отеческий

интерес. Он всегда бывал очарователен с детьми, но судорожно и осторожно, заботясь о своей независимости на тот случай, если ему вдруг наскучит общение с ними; Сюзи никогда не видела, чтобы он полностью забывал об этих мерах предосторожности, как он забылся с Клариссой.

– Бедный маленький чертенок! Кто присматривает за ней, когда вы с Ником куда-то уходите вместе? Ты хочешь сказать, Элли уволила гувернантку и уехала, не взяв никого на ее место?

– Думаю, она рассчитывала, что я буду вместо гувернантки, – несколько резковато ответила Сюзи.

Бывали моменты, когда чувство долга становилось гнетущим; всякий раз, когда они с Ником уходили, не взяв с собой Клариссу, Сюзи преследовало видение маленькой фигурки, тоскливо машущей им вслед с балкона.

– Это похоже на Элли: ты могла бы догадаться, что она попросит равноценной услуги за возможность попользоваться всем этим. Но едва ли она полагала, что ты так добросовестно отнесешься к ее просьбе.

Сюзи задумалась.

– Пожалуй, да; и возможно, я бы так не отнеслась год назад. Но понимаешь... – Она запнулась, колеблясь. – Ник такой замечательный, это заставило меня на многое взглянуть иначе...

– К черту достоинства Ника! Тому причиной счастье, моя дорогая. Просто ты одна из тех, на чью долю оно выпало.

Сюзи, откинувшись назад, внимательно смотрела сквозь полуприкрытые веки на его крючконосую ироничную физиономию:

– Что это с тобой, Стреффи? Никогда не видела тебя таким человечным. Верно, получил бешеные деньги за виллу.

Стреффорд засмеялся и хлопнул себя по нагрудному карману:

– Я был бы ослом, если бы упустил такую возможность; получил телеграмму: они непременно хотят пожить там еще месяц – за любую цену.

– Какая удача! Очень рада. Между прочим, кто они такие?

Он вылез из лонгшеза, в котором расслабленно развалился, и с улыбкой посмотрел на нее:

– Такие же влюбленные идиоты, как ты с Ником... Послушай, пока я все не растрянжирил, пойдем купим Клариссе что-нибудь потрясающее.

Дни пролетали так быстро и ослепительно, что, если бы не беспокойство за Клариссу, Сюзи вряд ли заботило бы затянувшееся отсутствие хозяйки палаццо. Миссис Вандерлин сказала: «Самое позднее через четыре недели», но четыре недели миновали, а она не только не появилась, но и ни слова не написала в объяснение своей задержки. Более того, с самого отъезда от нее не было никаких известий, кроме почтовой открытки, адресованной Клариссе и пришедшей на другой день после прибытия Лэнсингов, в которой миссис Вандерлин давала наставления своему ребенку вести себя очень хорошо и не забывать кормить мангуста. Сюзи заметила, что послание было отправлено из Милана.

Она поделилась своими опасениями со Стреффордом:

– Я не доверяю той зеленоглазой няньке. У нее вечные шашни с молодым гондольером, а Кларисса ужасно наблюдательна. Не понимаю, почему Элли не едет: она должна была появиться в прошлый понедельник.

Тот рассмеялся, и что-то в его смехе подсказало ей, что он, видимо, знает о действиях Элли не меньше ее, если не больше. Отвращение, которое всегда вызывал в ней этот предмет, заставило ее быстро отвести взгляд от его снисходительной улыбки. Сейчас она все бы отдала за то, чтобы быть свободной от обязательства и сказать Нику о том, что узнала вечером в день их приезда, и уехать с ним, не важно куда. Но Кларисса!..

Дабы избавиться от искушения, она решительно сосредоточилась на мыслях о муже. В том, что Ник счастлив, не могло быть никаких сомнений. Как обнаружилось в Венеции, он обожал ее, работа над книгой приносила ему

радость; а что касается достоинств его труда, тут она была уверена умом и сердцем. Она по-прежнему была в сомнениях, что он когда-нибудь сможет зарабатывать пером им на жизнь, но больше не сомневалась, что он напишет нечто выдающееся. Одно то, что он трудится над философским романом, а не над обычной беллетристикой, казалось доказательством его подлинного превосходства. И если она не вполне полагалась на собственную беспристрастность, одобрение Стреффорда ее успокоило. Среди их друзей Стреффорд слыл авторитетом в подобных материях: панегирики в его адрес всегда заканчивались фразой: «Знаете, он еще и пишет». Сказать по правде, покупатели прохладно отнеслись к немногочисленным опубликованным им страничкам; но он жил среди людей, которые путают вкус с талантом и на которых производят впечатление самые неумелые попытки литературного высказывания; и хотя он делал вид, что пренебрежительно относится к их мнению и к собственным литературным опытам, Сюзи знала, что его не огорчало, когда о нем говорили: «О, если бы только Стреффи выбрал эту стезю!..»

Одобрение Стреффордом философского романа убедило ее в том, что стоило остаться в Венеции ради Ника и, если только Элли вернется и увезет Клариссу в Санкт-Мориц или Довиль, неприятное обстоятельство, послужившее основанием их счастья, забудется, растаяв, как облачко, и ничто уже не будет омрачать им радость уединения.

Элли не появилась; вместо нее прибыл Мортимер Хикс с семейством, и Ника Лэнсинга стали одолевать угрызения совести, что предвидела его жена. Стреффорд, вернувшись как-то вечером с Лидо, доложил, что узнал огромный силуэт «Ибиса» среди других яхт, стоявших во внешней гавани; и в следующий же вечер, когда гости палаццо Вандерлинов попивали прохладительное за столиком перед кафе Флориана, на Пьяцце появились Хиксы.

Напрасно Сюзи просила мужа защищать его уединение:

– Не забывай, дорогой, ты здесь для того, чтобы писать; твой долг – никому не позволять вторгаться в свою частную жизнь. Почему не сказать им, что мы как раз собрались уходить?

– Потому что это бесполезно: мы наверняка будем постоянно встречать их. И, кроме того, будь я проклят, если стану прятаться от Хиксов. Я провел на «Ибисе» целых пять месяцев, и если они иногда мне надоедали, то об Индии этого не

скажешь.

– Мы заставим их как-нибудь свозить нас в Аквилею, – философически заметил Стреффорд, и в следующий момент Хиксы устремились к беззащитной троице.

Вид у них был устрашающий, не только по причине необъятности главных фигур, мистера и миссис Хикс, которые были равно громадных размеров, но и потому, что они никогда не отправлялись за границу без сопровождения двух личных секретарей (из которых один исполнял роль толмача), врача мистера Хикса, незамужней дамы по имени Эльдораддер Тукер, кухни миссис Хикс и по совместительству ее стенографистки, и, наконец, их дочери, Корал Хикс.

Корал Хикс, когда Сюзи в последний раз сталкивалась с этой компанией, была толстой школьницей в очках, которая вечно плелась за родителями, волоча на поводке упиравшегося пуделя. Сейчас пуделя не было, а его хозяйка возглавляла процессию. Толстушка-школьница превратилась в юную даму со сбитой, если не изящной фигурой; вместо очков – лорнет на длинной ручке, сквозь который мисс Корал Хикс взирала на мир уже не угрюмо, как прежде, а одновременно уверенно и критически. Вид у нее был такой решительный и самонадеянный, что Сюзи, окинув ее мгновенным взглядом, увидела, что та возглавляет процессию не случайно, и пробормотала про себя: «Слава богу, что она хоть не хорошенькая!»

Если не хорошенькая, то прекрасно одета; и если чересчур образованна, то кажется способна, как предположил Стреффорд, игнорировать столь вопиющий недостаток. Во всяком случае, она была выше того, чтобы скрывать его; и не успела вся компания просидеть пять минут перед принесенным мороженым (Эльдорада и секретари сидели за отдельным столиком чуть позади), как она уже обсуждала с Ником исследования в Месопотамии.

– Необычный ребенок эта Корал, – сказал Ник тем вечером, когда они вышли на балкон выкурить последнюю сигарету. – Она сегодня сказала мне, что помнит многое из того, что я говорил в Индии. В то время я думал, что ее интересуют только карамель и картинки-головоломки, но, похоже, она все слушала, читала все книги, которые могла найти, и так увлеклась восточной археологией, что в прошлом году прошла специальный курс в Брин-Морском колледже. Следующей весной собирается поехать в Багдад, а вернуться через Персидское плоскогорье и Туркестан.

Сюзи весело рассмеялась: она сидела, вложив ладонь в руку Ника, а поздняя луна – снова для них – круглилась в своем оранжевом великолепии над колокольной собора Сан-Джорджо.

– Бедняжка Корал! Какая тоска... – пробормотала Сюзи.

– Тоска? Почему? Такое путешествие будет куда увлекательнее многих прочих.

– О, я имею в виду, какая это будет тоска без тебя или меня, – засмеялась она, лениво вставая, чтобы идти в дом.

Широкая полоса лунного света, деля ее комнату на две темные половины, лежала на разноцветной венецианской кровати с аккуратно откинутой простыней, старинном камчатном покрывале и подушках, отороченных кружевами. Она почувствовала тепло обнимающей руки Ника и подняла к нему лицо.

Хиксы сохранили самые нежные воспоминания о пребывании Ника на «Ибисе», и Сюзи, тронутая их простодушным удовольствием от новой встречи с ним, была рада, что он не последовал ее совету и не норовил избегать их. Ее всегда восхищал безжалостный талант Стреффорда использовать и отбрасывать человеческий материал, оказывающийся на пути, но сейчас она начала надеяться, что Ник не вспомнит о ее предложении применить подобную меру к Хиксам. Даже если было бы не так приятно долгими золотыми днями и пылающими серебряными ночами иметь в своем распоряжении большую яхту, восхищение Хиксов Ником вынудило Сюзи охотно терпеть их. Она даже начала чувствовать растущее расположение к ним – расположение, внушенное теми же самыми их качествами, которые прежде вызывали у нее неприязнь. Сюзи старательно приучала себя любить простых людей с толстыми кошельками; для таких случаев у нее был неисчерпаемый запас скидок и оправданий. Но они должны были быть успешными простыми людьми; а беда Хиксов, исходя из ее понятий, была в их неудачливости. Не только в их нелепости; видит небо, нелепыми были многие их соперники. Но Хиксы были и нелепы, и неудачливы. Они постоянно противились усилиям опытных советчиков, которые первыми разглядели их на горизонте и пытались помочь им возвыситься. Они всегда обращались не к тем людям, приглашали не тех гостей и тратили миллионы на то, что никого из персон значительных не интересовало. Хиксы страстно верили в «движения» и «общие дела» и «идеалы», всегда у Хиксов толпились истолкователи их новейших убеждений, всегда Хиксы просили вас послушать

лекции изможденных женщин в пеплуках и позировали для портретов каким-то лохматым художникам, которые вечно оказывались немодными.

Прежде все это усиливало презрение Сюзи; теперь же она находила, что Хиксы больше всего нравятся ей своими неудачами. Ее трогала их простодушная честность, одиночество среди окружающих их сомнительных апостолов и паразитов, их способ существования во враждебном и равнодушном мире небольшой тесной группой, в которой Эльдорада Тукер, доктор и двое секретарей составляли внешнюю кайму и по собственному мнению своего рода коллективную реинкарнацию некой парадной королевской культуры прошлого, символом которой для миссис Хикс было то, что она называла «ренессансным двором». Эльдорада, конечно, была их главной пророчицей; но даже необычайно «блестящие» и современные молодые секретари мистер Бек и мистер Баттлс проявляли трогательную склонность разделять ее взгляды и говорили о мистере Хиксе как о «покровителе искусства» в духе Пандольфино, славящего щедрость Медичи.

– Я начинаю по-настоящему любить Хиксов; полагаю, я была бы любезной с ними, даже если бы они остановились в «Даниэли»[9 - «Даниэль» - отель в Венеции.], – сказала Сюзи Стреффорду.

– И даже если яхта принадлежала бы тебе? – спросил он в ответ; и на сей раз его добродушная шутка поразила ее своей неуместностью.

В бесконечные июньские дни «Ибис» уносил их далеко вдоль очарованных берегов; они плавали среди островов к северо-востоку от Венеции, посетили Аквилею, Помпозу и Равенну. Хозяева с радостью увезли бы их через Адриатику и дальше, к золотой сети островов Эгейского моря; но Сюзи воспротивилась этому нарушению рабочего распорядка Ника, да он и сам предпочел не слишком отрываться от дела. Только теперь он писал рано утром, так что по большей части они могли поднять якорь еще до полудня, а возвращались поздно вечером, когда в лагуне зажигалась низкая кайма огней. Его работа продолжала продвигаться, и, по мере того как прибавлялись страницы, Сюзи смутно, но безошибочно ощущала, что каждая новая страница соотносится со скрыто выделяющейся энергией, постепенным оформлением в нем чего-то такого, что в итоге способно изменить их общую жизнь. Но в каком смысле изменить, догадаться не могла: просто чувствовала, что сам факт выбора работы и погруженности в нее, хотя бы в течение нескольких цветущих летних недель, уже позволил ему по-новому говорить «да» и «нет».

И сам Ник Лэнсинг в неменьшей мере сознавал действие в нем некой новой закваски. Он был лучшим, чем Сюзи или Стреффорд, судьей книги, которую пытался написать; он знал ее слабости, ее вероломство, стремление утечь меж пальцев, едва он задумывал покрепче ухватить ее; но он также знал, что в тот самый момент, когда, казалось, она не оправдывала его ожиданий, она неожиданно возвращалась, биясь громкими крыльями о его лицо.

Он не заблуждался относительно ее коммерческой ценности и отнюдь не обрадовался, а поморщился, когда Сюзи в связи с его книгой упомянула Мария. Называлась книга «Торжество Александра Великого». Его воображение было захвачено идеей изобразить поход молодого завоевателя по сказочным землям Востока: ему хорошо давались описательные эпизоды, и он смутно чувствовал, что развить свою теорию о влиянии Востока на западное искусство, облакая ее в художественную форму, требует меньшей эрудиции, чем если бы он попытался изложить ее в статье. Неплохо представляя себе предмет своего интереса, он понимал, что знает недостаточно, чтобы писать о нем, но в утешение напоминал себе, что «Вильгельм Мейстер»^{[10} - «Вильгельм Мейстер» - роман в трех книгах И.-В. Гёте «Театральное призвание Вильгельма Мейстера» (1785), «Годы учения Вильгельма Мейстера» (1796) и «Годы странствий Вильгельма Мейстера, или Отрекающиеся» (1829).] пережил множество увесистых томов по эстетике; и в перерывах между приступами недовольства собой высокое мнение Сюзи подбадривало его, и он находил ничем не омраченную радость в работе.

Никогда - нет, никогда! - он не был так безгранично, так безусловно счастлив. Прежняя литературная поденщина выучила его прилежанию, теперь же привычен стал жар вдохновения. Предыдущие литературные начинания были робкими и пробными, если же теперешнее уверенно и споро продвигалось вперед, то потому, что обстоятельства сильно переменились. Он испытывал чувство легкости, надежности, удовлетворенности; и к тому же впервые со времен ранней юности, как перед смертью матери, испытывал чувство, что ему есть за кем ухаживать, что есть кто-то, нуждающийся в его особой заботе и перед кем он ответствен за себя и свои поступки, как ни перед кем из торопливых и равнодушных людей, жизнь среди которых он выбрал.

Сюзь разделяла взгляды этих людей: она говорила на их языке, хотя понимала и другие, нуждалась в тех же удовольствиях, разве что не поклонялась их богам. Но с того момента, как она стала принадлежать ему, в нем родилось убеждение, что их союз отвечает ее глубинной потребности в поклонении. Она принадлежала ему, он выбрал ее, она заняла свое место в длинной череде жен Лэнсингов, которых мужчины прошлых поколений этого рода любили, уважали и, возможно, обманывали. Он не претендовал на понимание логики такой потребности, но факт, что она была его жена, придавал целеустремленность и последовательность его спорадическим порывам и таинственный отблеск святости его работе.

Раз или два в первые дни после женитьбы он спрашивал себя с легкой дрожью, что будет, если Сюзь прискутит ему. Такое уже случалось у него с другими женщинами, первые чувства к которым по силе не отличались от тех, что пробуждала в нем она. Роль, которую он играл в своих предыдущих любовных историях, вообще говоря, можно было определить одной незабываемой фразой: «Я и охотник, и добыча», ибо он неизменно переставал быть первым, только чтобы считать себя вторым. Этот опыт никогда не переставал причинять ему сильнейшую боль, поскольку его симпатия к преследователю была не намного менее глубокой, чем сострадание к себе самому; но так как он всегда больше жалел себя, то в конце концов отдалялся от преследователя.

Теперь весь этот пренатальный опыт казался полностью непригодным для того нового человека, которым он стал. Он не мог представить, что Сюзь наскучит ему – или что он постарается избавиться от нее, если такое произойдет. Он не мог думать о ней как о враге или даже сообщнице, поскольку сообщники – это потенциальные враги: она была той, с кем предстояло вкусить небывалое чудо, радость дружбы, но которая даже в этих временных восторгах должна была оставаться в первую очередь верной подругой.

Эти новые чувства не повлияли на его общее отношение к жизни, но просто укрепили его веру в ее высшие «радости». Никогда он так не наслаждался тем, что всегда любил. Никогда добрый обед не был так вкусен, красивый закат так красив; он радовался тому, что равно мог оценить то и другое. Он, как всегда, гордился умом Сюзь и тем, что она свободна от предрассудков: теперь, когда она принадлежала ему, она не могла быть для него слишком «современной». Он в полной мере разделял ее страсть к наслаждению моментом и лихорадочную жажду растянуть его. Он знал, когда она раздумывает о способах продлить их прекрасное положение, и втайне раздумывал вместе с ней, какие еще новые

способы они способны изобрести для этого. Он был благодарен Элли за то, что та по-прежнему отсутствует, и уже начал надеяться, что они смогут оставаться в палаццо до конца лета. Если надежда оправдается, ему удастся закончить книгу, а Сюзии – немного отложить из процентов на свадебные чеки, и тогда их волшебный год может растянуться на два.

К концу сезона их и Стреффорда присутствие в Венеции привлекло туда несколько путешествующих пар из их круга. У этих равнодушных, но прилипчивых людей было то общее свойство, что они не могли подолгу находиться в отрыве друг от друга, – их тут же начинало снедать смутное беспокойство. Лэнсингу было знакомо это чувство. Сам испытывал его легкие приступы и часто помогал другим справляться с ними. Оно было не сильнее ощущения легкого голода, которое напоминает о пятичасовом чае человеку, который плотно позавтракал и уверен, что пообедаст не менее плотно, но придает смысл бессмысленному и помогает многим колеблющимся делать их ежегодный выбор между Довилем и Санкт-Морицем, Биаррицем и Капри.

Ник не удивился, узнав, что этим летом становится модой неожиданно появиться в Венеции и заглянуть к Лэнсингам. Пример всем показал Стреффи, ему последовали и другие. К тому же замужество Сюзии было все еще предметом сочувственных пересудов. Люди знали историю свадебных чеков, и им было интересно посмотреть, как долго молодожены смогут на них прожить. Важно было в этом году помочь отчаянной паре растянуть медовый месяц, предлагая им крышу над головой. Еще июнь не подошел к концу, а уже масса друзей наслаждались с Лэнсингами солнышком на Лидо.

Ник неожиданно обнаружил, что их появление создает ему помехи. Дабы оградить себя от лишних комментариев и шуток, он отложил работу над книгой и запретил Сюзии говорить о ней, объяснив это тем, что нуждается в перерыве для отдыха. Жена мгновенно и с готовностью приняла его объяснение, защищая его от соблазна продолжать работу так же ревниво, как не поощряла его безделья; и он позаботился о том, чтобы она не обнаружила, как перемена в его привычках совпала с моментом, когда он стал испытывать трудности с книгой. Но хотя он не жалел, что перестал писать, неожиданно обнаружилось, насколько тяжело переносить ничегонеделанье. Впервые праздное шатание в компании потеряло для него свое очарование; не потому, что с теперешними спутниками у него было меньше общего, но потому, что за это время он узнал что-то неизмеримо лучшее, нежели пребывание в их компании. Он всегда чувствовал себя выше своих обычных приятелей, но теперь этот разрыв был

слишком велик: до некоторой степени это действительно было несправедливо по отношению к ним.

Он тешил себя тем, что Сюзи разделяет это его чувство, но с раздражением увидел, что с прибытием их друзей она весьма оживилась. Как будто бы внутренний свет, придавший ей новую красоту, зажегся от присутствия тех самых людей, от которых они сбежали в Венецию.

Это вызвало у Лэнсинга смутное возмущение, которое после вопроса, как ей нравится снова оказаться в старой компании, усилилось, когда она со смехом ответила, что лишь надеется, их бедным друзьям не слишком бросается в глаза, как они ей надоели. Явная неискренность ответа была шоком для Лэнсинга. Он знал, что на деле они Сюзи отнюдь не надоели, и понял, что она просто догадалась о его чувствах и инстинктивно согласилась с ними и что впредь всегда будет думать как он. Чтобы проверить правоту своего опасения, он беззаботно сказал: «Но все равно довольно приятно снова немного пообщаться с ними», и она тут же ответила столь же убежденно: «Да, не правда ли? Все-таки... старые друзья!»

Страх за будущее вновь коснулся Лэнсинга ледяной рукой. Независимость Сюзи и ее уверенность в себе были в числе ее главных привлекательных черт, если же она станет его эхом, их восхитительный дуэт рискует превратиться в скучнейший из монологов. Он забыл, что всего пять минут назад негодовал из-за того, что она рада видеть их друзей, и на мгновение у него голова пошла кругом от неразрешимой загадки человеческой души, когда различие в чувствах раздражает, а согласие наводит скуку.

Он снова начал сомневаться: может, семейная жизнь вообще не для него, и не впал в отчаяние лишь потому, что вспомнил: вряд ли подчиненность Сюзи его настроению долго продлится. Но даже тогда ему не пришло в голову, что его опасения излишни, поскольку их узы откровенно временны. В думах о ней у него не возникало и тени мысли об особой договоренности, которая лежала в основе их брака; решение, что он или она могут расторгнуть его к обоюдному удовлетворению, давно превратилась в отголосок старой шутки.

Через неделю или две непрерывного общения ему стало ясно, что из всех старых друзей семейство Мортимера Хикса надоело ему меньше всего. Хиксы покинули «Ибис», чтобы поселиться в большом обветшалом дворце в районе Канареджо. Они сняли помещение у художника (одного из их новейших открытий) и

философски относились к отсутствию там современных удобств ради бесценной возможности почувствовать «атмосферу». В этой исключительной обстановке они собирали, как всегда, разнородную компанию тихих кабинетных ученых и шумных адептов новых теорий, совершенно не сознавая взаимной несовместимости столь несхожих гостей, и сияли уверенностью, что наконец-то припали к истоку мудрости.

В прежние времена Лэнсингу первые полчаса было бы занято находиться в этом обществе, а потом он весь долгий вечер изнывал бы от скуки, глядя на миссис Хикс, объемистую и увешанную драгоценностями, сидящую между безобидным профессором археологии и насупленным композитором или верховным жрецом новомодного танца, в то время как мистер Хикс, с сияющей физиономией над необъятным белым жилетом, следил за тем, чтобы шампанское лилось обильней, чем разговор, и блестящие молодые секретари усердно поддерживали беседу ошеломительными пророчествами и поразительной эрудицией. Но в Лэнсинге произошла перемена. В прошлом, по контрасту с его собственными друзьями, Хиксы казались совершенно невыносимы; теперь они были спасением от тех же самых друзей, став не только симпатичными, но даже интересными. В конце концов, это было уже кое-что – общаться с людьми, которые не рассматривают Венецию со стороны исключительных возможностей для купанья и адюльтера, но которые с благоговением, если не в замешательстве сознают, что находятся перед лицом чего-то уникального и несказанного, и стремятся максимально использовать это свое преимущество.

«В конце концов... – сказал он себе однажды вечером, с простой радостью выздоравливающего скользя взглядом по крупным доверчивым лицам Хиксов, – в конце концов они нашли для себя объект поклонения, религию...» Мысль эта поразила его как свидетельство некоей перемены в собственном умонастроении и ключ к его новому мнению о Хиксах. Их беспорядочная страсть к великим произведениям искусства соответствовала его новому взгляду на вселенную: люди, которые чувствовали, пусть смутно, чудо и ценность жизни, должны были с тех пор быть ближе ему, чем те, для кого она мерилась единственно счетом в банке. Поразмыслив, он предположил, что именно это имел в виду, когда подумал, что у Хиксов появилась «религия»...

Несколько дней спустя его благоденствие было неожиданно нарушено приездом Фреда Джиллоу. Лэнсинг всегда чувствовал снисходительное расположение к молодому Джиллоу, рослому, улыбчивому и молчаливому, жаждавшему в полной

мере воспользоваться всем, что предоставляют ему удача и положение в обществе. Лэнсинг, который неизменно пускался в свои скромные приключения со всей страстью, был не в состоянии догадаться, какую пользу тот извлекал из своих походов, но всегда подозревал, что блудный Фред был не больше чем хорошо маскирующийся зритель. Теперь он впервые начал смотреть на него новыми глазами. Дело в том, что Ник испытывал угрызения совести по отношению к чете Джиллоу. С самого начала он и Сюзи говорили о них меньше, чем о других членах их кружка: они тактично избегали упоминать их имена с того дня, когда Сюзи пришла к Лэнсингу сказать, что Урсула Джиллоу просила ее отказаться от него, и вплоть до того дня, когда она встретила его восторженным криком: «Вот наш первый свадебный подарок! Огромнейший чек от Фреда и Урсулы!»

Лэнсинг знал: множество симпатизирующих ему людей готовы были рассказать, что произошло в промежутке между этими двумя датами, но он поостерегся спрашивать. Он даже настолько убедительно притворился осведомленным обо всем, что друзья, которые горели желанием просветить его на этот счет, были обескуражены, решив, что ему известно больше, нежели им; и постепенно он поверил им и сам стал считать, что действительно так оно и есть.

Теперь он ощутил, что вообще ничего не знает и что «Привет, старик», которым она встретила Джиллоу, могло быть или обыкновенным групповым приветствием – поскольку на их приватном жаргоне все они были «старики» и «старухи» и все имели прозвища, – или приветствием, скрывавшим загадочные глубинные отношения.

Сюзи явно была рада видеть Джиллоу; но в то время она всему радовалась и бывала так рада показать свою радость! Обстоятельство, обезоруживавшее ее мужа и заставлявшее его стыдиться своей обеспокоенности. «Надо или немедленно все это заново обдумать, или не думать об этом вообще» – такой здравый, но бесплодный совет дал он себе на другой день после прибытия Джиллоу и тут же погрузился в раздумья.

Фред Джиллоу, судя по всему, и не догадывался, что смутил чей-либо душевный покой. День за днем он часами полеживал на пляжах Лидо, подложив руки под голову, слушал вздор Стреффи и наблюдал сквозь полуопущенные ресницы; но не проявлял желания встретиться или заговорить с ней наедине. Он более, чем когда-либо, довольствовался ролью благодарного зрителя богатого показа, устроенного для его личного развлечения. Так продолжалось до тех пор, пока

однажды утром он не услышал ее мимолетную жалобу на усиливающуюся жару и угрозу moskitov, и тогда сказал, словно они когда-то давно уже обсуждали этот вопрос и обо всем договорились: «Дом на болоте будет готов принять вас в любое время после первого августа».

Нику вообразилось, что Сюзи слегка покраснела и демонстративней, чем обычно, распрямилась и пустила гладкий камешек по мелким волнам, замирающим у их ног.

– В Шотландии вы оба будете выглядеть куда свежее, – сделав над собой усилие, добавил Фред с несвойственной ему откровенностью.

– О, неужели? – весело ответила она и, повернувшись на высоких каблуках, сказала с таинственным и важным видом: – Нику нужно работать. Возможно, мы задержимся здесь до конца лета.

– Работать! Вздор! Вы задохнетесь в этих миазмах. – Джиллоу растерянно посмотрел на небо из-под надвинутой на лоб шляпы, затем проговорил, будто бы с глубокой обидой: – Я думал, все решено.

– Почему, – спросил вечером Ник жену, когда они вернулись в прохладную гостиную Элли после позднего ужина на Лидо, – почему Джиллоу думает, что решено: мы едем на его болото в августе? – Он почувствовал, что странно называть их друга по фамилии, и покраснел до ушей.

Сюзи сбросила на пол кружевную накидку и стояла перед ним в слабоосвещенной комнате, тоненькая и мерцающе-белая в прозрачном сумраке.

Она беспечно подняла брови:

– Я тебе давным-давно говорила, что он приглашал нас туда на август.

– Ты не предупредила, что приняла приглашение.

Она улыбнулась, словно он сказал такую же наивную глупость, как Фред:

– Я принимала все – ото всех!

Что он мог ответить? Это был основной принцип, на котором базировался их сговор. И если он скажет: «Но это другое, потому что я ревную к Джиллоу», как он будет выглядеть? Время для ревности – если столь устаревшая позиция могла быть оправдана на каком-либо основании – осталось в прошлом, до того, как они поженились, и до того, как приняли подарки, которые помогли им это осуществить. Теперь он несколько удивлялся, что в то время такие мелочи его не беспокоили. Собственная непоследовательность раздражала его и усиливала раздражение, которое вызывал в нем Джиллоу. «Небось считает нас своей собственностью!» – проворчал он про себя.

Он рухнул в кресло, и Сюзи опустилась у его ног на сияющий узорный мрамор пола, прижалась стройным телом и прошептала, приблизив к нему лицо и губы:

– Совсем не обязательно ехать куда-то, куда ты не хочешь.

В этот раз ее покорность была прелестна, и, сжав ее в объятиях и целуя, он так же шепотом сказал:

– Тогда не поедem туда.

В ее ответном объятии он почувствовал молчаливое согласие всего ее счастливого существа с тем, что бы он ни решил в будущем, если только оно предоставит достаточно моментов, подобных этому; и когда безмолвно они сжимали друг друга в объятиях, все его сомнения и недоверие начали казаться глупыми и несправедливыми.

– Давай останемся здесь на столько, сколько Элли позволит, – сказал он, как если бы погруженные в тень стены и поблескивавшие полы были колдовской границей его счастья.

Она тихо пробормотала, что согласна, и встала, сонно потягиваясь:

– Ужасно поздно... Расстегнешь платье?.. О, телеграмма!

Она взяла со стола телеграмму и, вскрыв, на секунду углубилась в нее.

– Это от Элли. Завтра приезжает.

Она повернулась к окну и рассеянно вышла на балкон. Ник последовал за ней, продолжая обнимать ее. Канал тонул в темноте, только несколько поздних огоньков дрожали в черной воде. Волна душного воздуха донесла издалека последние отзвуки музыки с гондолы.

– Старушка Элли! Все равно... хотелось бы мне, чтобы это все принадлежало нам с тобой, – сказала Сюзи и вздохнула.

VIII

Не вина миссис Вандерлин, если с ее возвращением дворец моментально перестал казаться принадлежащим Лэнсингам.

Она прибыла в таком великодушном настроении, что Сюзи было невозможно, когда они наконец остались наедине, заставить себя отнестись невеликодушно даже к ее недавнему поведению.

– Я знала: ты будешь истинным ангелом, дорогая, потому что поймешь меня – особенно сейчас, – заявила Элли, протянув Сюзи тонкие ладони и глядя на нее огромными (как у Клариссы) глазами, что горели пережитыми наслаждениями и будущими планами.

Сюзи Лэнсинг было неожиданно неприятно это выражение доверительности, она никогда еще не выслушивала столь горячие признания с подобным равнодушием. Ей всегда казалось, что когда сам счастлив, то – как миссис Вандерлин, похоже, считала – более терпимо относишься к счастью других, какие бы тут ни возникали сомнения; и ей стало почти стыдно за то, как апатично она отнеслась к излияниям подруги. Но у самой Сюзи не было желания рассказывать Элли о своем блаженстве; и почему бы той было не проявить равную сдержанность?

– Все было настолько совершенно – я, дорогая, имею в виду счастье, – продолжала эта леди, словно столь необыкновенное событие награждало ее особыми привилегиями.

Сюзь довольно резко ответила, что, мол, всегда предполагала: подобное происходит со всеми.

– О нет, дорогая: гувернанткам, свекровьям, компаньонкам и подобного рода людям это недоступно. Они этого не понимают, даже если пытаются. Но ты и я, дорогая...

– Я не считаю себя какой-то исключительной, – перебила ее Сюзь.

Ей очень хотелось добавить: «Во всяком случае, такой, как ты...» – но несколькими минутами ранее миссис Вандерлин сказала ей, что дворец в ее распоряжении до конца лета и что сама она собирается лишь устроиться наверху – если они ей позволят! – ненадолго, пока не соберет вещи, чтобы отправиться в Санкт-Мориц. Вспомнив об этом, Сюзь подавила желание иронизировать и перевела разговор на более безопасную, хотя и не столь увлекательную тему о количестве дневных и вечерних нарядов, потребных для сезона в Санкт-Морице.

Слушая миссис Вандерлин – рассуждавшую о сем предмете не менее авторитетно, чем об остальных, – Сюзь почувствовала, какая пропасть образовалась между нею прошлой и нынешней. «И такую жизнь я вела, ради таких вещей жила», – думала она, стоя перед распахнутым великолепием гардероба миссис Вандерлин. Не то чтобы теперь это было ей безразлично: она не могла смотреть на кружева, шелка и меха Элли без того, чтобы не представить в них себя, и не задаваясь вопросом, какими новыми ухищрениями создать впечатление, будто одевается у тех же виртуозных мастеров моды. Но теперь это перешло в разряд второстепенных интересов: последние несколько месяцев открыли перед ней новую перспективу, и больше всего ее озадачивало и смущало в Элли то, что любовь, наряды, бридж, приглашения на обед, казалось, были для нее одинаково важны.

Выбор одежды длился долго и сопровождался постоянными перепадами настроения миссис Вандерлин от сравнительного оптимизма до полного отчаяния: все никуда не годится. Нельзя же отправляться в Санкт-Мориц, выглядя как чучело, а времени, чтобы выписать что-нибудь из Парижа, нет, но, как бы то ни было, она не собирается показываться в домашних убогих переделках. Но тут ее как молнией поразило; она захлопала в ладоши от радости:

– Ну так Нельсон все привезет – совсем забыла о Нельсоне! Если сейчас написать, как раз успеет.

– Нельсон присоединится к тебе в Санкт-Морице? – удивленно спросила Сюзи.

– Боже нет, конечно! Он заедет сюда, чтобы забрать Клариссу и отвезти на тоскливый лечебный курорт в Австрию вместе со своей матерью. Такая удача: времени только-только на то, чтобы телеграфировать ему, чтобы захватил мои вещи. Я не собиралась дожидаться его; но это задержит меня не больше чем на день или два.

У Сюзи сердце упало. Она не слишком боялась одной Элли, но когда Элли и Нельсон вместе, от них впору было ожидать чего угодно. Никто не мог предсказать, какую искру правды высечет их столкновение. Сюзи чувствовала, что могла бы выдержать их по отдельности и последовательно, но не вместе и одновременно.

– Но, Элли, зачем тебе дожидаться Нельсона? Уверена, я найду кого-нибудь здесь, кто собирается в Санкт-Мориц и захватит твои вещи, если Нельсон привезет их. Жаль будет потерять забронированный там номер.

Подобный довод вызвал минутный интерес миссис Вандерлин:

– Действительно; говорят, там все отели забиты. Моя дорогая, ты всегда так практична! – Она прижала Сюзи к надушенной груди. – Я уверена, дорогая, вы будете только рады избавиться от меня – ты и Ник! О, не притворяйся, не возражай. Видишь, я понимаю... Я так часто думала о вас, вас двоих... в эти блаженные недели, когда мы были одни вдвоем...

Внезапные слезы, которые переполнили чудесные глаза Элли и, угрожая оставить синие круги под ними, побежали к карминовым губам, вызвали у Сюзи угрызения совести.

«Бедняжка... ах, бедняжка!» – подумала она, слыша зов Ника, который ждал ее, чтобы отправиться, как обычно, в лагуну полюбоваться закатом, и почувствовала волну жалости к заблуждающемуся созданию, которая никогда не вкусит этого высшего блаженства, какое только можно представить. «Но тем не менее, – говорила она себе, спеша к мужу, – я рада, что убедила ее не дожидаться

Нельсона».

Прошло несколько дней с того вечера, когда Сюзи и Ник любовались закатом, и за это время Сюзи вновь узнала счастье взаимной симпатии, которое удерживало их вместе. Вся дальнейшая жизнь теперь виделась ей не иначе как праздник: веселый праздник, который будет очень жаль пропустить, но который, если возникнет необходимость, они могут покинуть в любой момент – но покинуть только вместе.

В сумерках, когда их гондола скользила по опрокинутым дворцам сквозь благоухание невидимых садов, она прислонилась к нему и тихо спросила, думая о недавней сцене в гардеробной Элли:

– Ник, я была бы тебе отвратительна, если бы мне нечего было надеть?

Муж в этот момент прикуривал сигарету, и огонек спички высветил усмешку, с которой он ответил:

– Но, дорогая, разве я когда-нибудь хоть намеком дал понять?..

– О господи! Когда женщина говорит «Нечего надеть», она имеет в виду: «Нет ничего приличного».

Он задумчиво выпустил струйку дыма:

– А, так ты смотрела с Элли ее наряды.

– Да, все эти ее сундуки, набитые до отказа. И она считает, что ей нечего взять с собой в Санкт-Мориц!

– Естественно, – вяло пробормотал он, не проявляя интереса к состоянию гардероба миссис Вандерлин.

– Это только наряды... она чуть было не решила остаться и ждать Нельсона, который приедет на следующей неделе и может привезти ей еще два-три сундука из Парижа. Но, к счастью, удалось убедить ее, что это глупо – ждать его.

Сюзи почувствовала едва уловимое движение расслабленного мужниного тела, и все ее бдительные «щупальца» подсказали, что он открыл полужакрытые веки.

– Удалось? Но зачем?

– Зачем – что?

– Зачем, черт возьми, надо было убеждать Элли не дожидаться Нельсона?

Сюзи, сознавая, что внезапно покраснела, отпрянула, словно опасаясь, что предательский стук сердца передастся через синюю фланель плечу, к которому она прислонялась.

– Право, дорогой!.. – забормотала она; но Ник с внезапной настойчивостью повторил вопрос:

– Зачем?

– Затем, что она в таком лихорадочном состоянии, рвется в Санкт-Мориц... и в такой панике, что в отеле не сохраняют за ней номер, – с замиранием сердца проговорила Сюзи.

– А... понятно. – Ник помолчал, потом добавил: – Ты же преданная подруга, не так ли?

– Что за странный вопрос! Вряд ли есть человек, кроме Элли, кому я с большим основанием могу быть предана, – ответила его жена и почувствовала, как он сокрушенно сжимает ее ладонь.

– Дорогая! Нет; и я тоже... И благодарным за то, что она оставляет нас одних в этом раю.

Тьма легла на воду канала; и губы их встретились.

Спустившись в тот вечер к ужину, Элли объявила, что в итоге решила: безопаснее будет дожидаться Нельсона.

– Я просто заболею от беспокойства, если не буду уверена, что получу свои вещи, – сказала она капризно-озабоченным тоном, каким всегда обсуждала свои трудности. – В конце концов, если человек отказывает себе во всем, это отравляет его здоровье и характер.

Стреффорд с серьезным видом заметил, что этот недуг фатально подорвал его здоровье; и под общий смех вся компания проследовала в огромную сводчатую столовую.

– Меня твои шутки не задевают, Стреффи, дорогой, – парировала хозяйка дома, прижавшись рукой к его руке.

И Сюзи, в шоке от быстрого взгляда, каким те обменялись, сказала себе, предчувствуя ужасное: «Конечно, Стреффи все знает; он ничуть не удивился, когда по приезде увидел, что Элли отсутствует. А если он знает, то что помешает узнать и Нельсону?» Потому что Стреффорду, когда он в дурном настроении, доверять можно было не больше, чем злему ребенку.

Сюзи тут же приняла решение рискнуть поговорить с ним и, если нужно, даже выдать ему тайну писем. Только открыв ему, в какой опасности находится она сама, можно было надеяться, что тот будет хранить молчание.

Шанс поговорить с ним появился позже тем же вечером на балконе, пока остальные слушали негромкую игру молодого композитора, который импровизировал на тему «Токкаты» Браунинга[11 - Имеется в виду «Токката Галуппи», стихотворение Роберта Браунинга (1812–1889), выдающегося английского поэта Викторианской эпохи, посвятившего несколько стихотворений музыке.]. Стреффорд вышел следом за ней и стоял рядом, молча покуривая сигару.

– Видишь ли, Стрефф... ох, да что это мы с тобой из всего делаем тайну? – неожиданно начала она.

– Действительно почему? А мы делаем?

Сюзи оглянулась на группу, собравшуюся вокруг рояля:

- Относительно Элли, я имею в виду... и Нельсона.

- Господи! Элли и Нельсона? Ты называешь это тайной? Их отношения такая же тайна, как то, о чем оповещает ослепительная реклама, украшающая любимые магистрали твоего родного города.

- Да, но...

Она снова замолчала. Разве она не дала Элли молчаливое обещание никому не говорить об этом?

- Сюзан, что-то не так?

- Не знаю...

- Ну, тогда я знаю: ты боишься, что, если Элли и Нельсон встретятся здесь, она сболтнет что-нибудь... опрометчивое.

- Нет, не она! - убежденно выкрикнула Сюзи.

- Тогда кто же? Уверен, этот сверхъестественный ребенок такого не сделает. Ни ты, ни я, ни Ник...

- Ох, - с трудом выдавила она, перебив его, - в том-то и дело. Ник не знает... даже не подозревает. А если бы знал...

Стрефффорд отшвырнул сигару и внимательно посмотрел на нее:

- Не понимаю... провалиться мне на этом месте. Какое всем нам до этого дело, в конце концов?

Конечно, это был старый взгляд на скрытое попустительство ради сохранения атмосферы благопристойности. Но для Сюзи он утратил прежнюю убедительность.

- Если бы Ник узнал, что мне все известно...

– Боже!.. А он ничего не знает? В конце концов, полагаю, это не первый раз...

Сюзи промолчала.

– В первый раз узнала секреты... женатых друзей. Неужели Ник полагает, что ты даже в нежном возрасте не... Черт побери, да что с тобой, детка?

Что, действительно, она могла сказать, чтобы он понял? И все же больше, чем всегда, ей нужно было защитить себя от опасности с его стороны. Как только он даст слово, на него можно будет положиться; иначе от него, с его упрямым и вредным характером, можно ждать чего угодно.

– Послушай, Стрефф, мы с тобой знаем, что Элли уезжала не на лечение и бедная Кларисса поклялась молчать, чтобы «папа не волновался», подумав, будто у мамы неприятности со здоровьем. – Она сделала паузу, презирая себя за ироничный тон, каким старалась говорить.

– Ну и?.. – спросил он из глубины кресла, в котором утопал.

– Ну, у Ника... и в мыслях этого нет. Если он узнает, что мы своим летним житьем здесь обязаны... тому, что мне известно...

Стреффорд сидел молча: она чувствовала его изумленный взгляд, устремленный на нее из темноты.

– Вот те на! – наконец проговорил он, тихонько присвистнув.

Сюзи склонилась над балюстрадой, прижавшись колотящимся сердцем к камню перил.

– Что осталось от души, спрашивается?.. – донесся сквозь открытые окна пронзительный голос молодого композитора.

Стреффорд снова погрузился в молчание, из которого вышел только тогда, когда Сюзи направилась к освещенному порогу гостиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/edit-uorton/v-luchah-mercaushey-luny/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

У. Шекспир. Гамлет. Акт 1, сц. 4. Перев. П. П. Гнедича. – Здесь и далее примеч. перев.

2

Слегка переиначенная цитата из Книги притчей Соломоновых (25: 11) в Американском исправленном переводе Библии («Золотые яблоки в серебряной корзине...»), осуществленном Ноем Уэбстером, человеком, который стоял у истоков формирования «американского» английского. Уэбстеровские

исправления заключались главным образом в замене архаичных выражений и грамматики стандартного английского перевода Библии короля Иакова.

3

Аллюзия на Быт. 2: 9–14.

4

Первый этаж палаццо.

5

Справочник расписания на всех железных дорогах Великобритании. Издавался с 1839 по 1961 г.

6

Джардино пубблико (ит.) (Giardino Pubblico) – городской сад на берегу Венецианской лагуны.

7

«Смех» (фр.) – популярный в 1894–1950 гг. французский юмористический журнал.

8

Гай Марий (156–86 до н. э.) – римский полководец и политический деятель, известен своей реформой армии, которую поставил на профессиональную основу.

9

«Даниэль» – отель в Венеции.

10

«Вильгельм Мейстер» – роман в трех книгах И.-В. Гёте «Театральное призвание Вильгельма Мейстера» (1785), «Годы учения Вильгельма Мейстера» (1796) и «Годы странствий Вильгельма Мейстера, или Отрекающиеся» (1829).

11

Имеется в виду «Токката Галуппи», стихотворение Роберта Браунинга (1812–1889), выдающегося английского поэта Викторианской эпохи, посвятившего несколько стихотворений музыке.

Купити: <https://telnovel.me/edit-uorton/v-luchah-mercayuschey-luny-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)